

Маруся Никифорова

Владимир Чоп

Оглавление

Маруся Никифорова	4
Предисловие	6
Анабасис анархистки	8
Александровск и Гуляй-Поле	14
Командир "Черной гвардии"	23
Участь Елисаветграда	28
Ненужные союзники	34
"У батька нашего Махна..."	43
Послесловие	55
Примечания:	56
Использованные материалы	57

Владимир Чоп

Маруся Никифорова

Книга является собой краткий биографический очерк жизни видного деятеля украинского анархизма - Марии Никифоровой, знаменитой "атаманши Маруси". На основании изучения широкого круга исторических источников автор восстанавливает картину жизни и деятельности известного деятеля анархо-терроризма, предводителя вооруженных отрядов анархистов времен Украинской революции.

Расчитана на исследователей, студентов, школьников, а также всех, кого интересует история Родного края.

Предисловие

История Украинской революции и последовавшей за ней гражданской войны 1917-1921 годов представляет интерес для исследователя не только исключительным значением последствий этих общественных катаклизмов, но и такими своими проявлениями, как переориентация жизненных идеалов общества. Определенные ценностные изменения в духовной сфере жизнедеятельности общества привели к массовому появлению на политической и военной арене ряда так называемых "харизматических" лидеров. Согласно социологической концепции М. Вебера - "харизма" (в пер. с древнегреческого - "божья искра") - необыкновенные свойства придающие личности почти магическую силу. Лидерство подобного типа возникает в годы кризисов и переломов, когда лидер, следуя навстречу требованиям масс, угадывая их явные и тайные желания, пророчески предвещая будущее, находит общее признание, возбуждает слепую веру и готовность к послушанию со стороны своих приверженцев. Чертами харизматических лидеров обладали в большей или меньшей степени практически все вожди враждующих в гражданской войне политических лагерей, порождая этим особую персонификацию отстаиваемой ими идеи. Но если появление в качестве харизматического лидера политиков мужчин было, в общем-то, делом привычным, то претензии на эту роль женщин революционерок имели вид некой исторической аномалии, прецедента неизвестного со времен средневековья.

В плеяде этих "валькирий революции", как наиболее известных ее представительниц, обычно выделяют "эсеровскую богородицу" Марию Спиридонову и коммунистическую функционерку, реформатора нравов Александру Коллонтай. Однако на Украине на место самой известной женщины данного исторического периода претендовала также и Мария Никифорова - видный деятель анархического движения и предводительница вооруженных отрядов анархистов в 1917-1919 годах.

Едва ли отыщется хотя бы мало-мальски образованный соотечественник, который бы не слышал о некогда существовавшей атаманше Марусе (Маруське), имя которой стало нарицательным, символизируя разгул анархии и бандитизма. Вместе с этим, тема жизнеописания Маруси, при наличии в ней определенного эпатажа, вполне сознательно, была обойдена вниманием историков-профессионалов, сначала как не имеющая политической конъюнктуры проблема, а потом как весьма тяжелый в современных условиях предмет исследования. Благодаря этому описание жизни и деятельности М. Никифоровой оказалось в руках историков-любителей и беллетристов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Возобновление существования украинской независимой исторической науки, в особенности ее государственнической школы не привнесло особенных изменений в ситуацию, так как анархизм М. Никифоровой был явлением воинственно враждебным всякой государственности вообще и национальной в частности. Факт одновременного существования на Украине 1917-1921 годов рядом с государственным-

ническим национальным движением и мощного анархического движения явно не вызывает энтузиазма у националистически настроенных историков. Им присуще желание представить анархическое движение в виде несущественной исторической аномалии, объявив его явлением, не имеющим национального характера. Эта позиция особенно хорошо просматривается в отношении к махновскому движению 1917-1921 годов (не путать с анархическим движением - Б. Ч.), и в трактовке деятельности анархо-террористической организации Марии Никифоровой.

На сегодняшний день специальные исследования по истории украинского анархизма фактически отсутствуют. Личности М. Никифоровой за последние годы было посвящено только одно серьезное научное сообщение В. Ермакова. Заслуживает внимания и статья В. Уляныча, представляющая собой отрывок из его научно-популярной книги о украинском повстанчестве. Однако и эти работы не лишены недостатков. К ним в первую очередь относится ограниченное количество источников, в основном воспоминаний большевиков и махновцев, которыми пользовались авторы. Это, в свою очередь, побудило авторов включить в текст работы значительную толику сообщений, имеющих непроверенный характер. Сходные проблемы наблюдаются и в новейшей справочной литературе, например, в посвященной Никифоровой статье К. Бондаренко.

Сохранению сложившегося положения вещей способствует наличие ряда факторов чисто объективного плана. Проведя большую часть своей жизни в эмиграции и подполье, М. Никифорова старалась не оставить после себя никаких документов, в том числе мемуарного характера. Анархистка постоянно меняла псевдонимы, места своего пребывания, людей, с которыми приходилось работать. Имеющиеся о ней документы рассредоточены в архивах Украины и России. К биографии М. Никифоровой отсутствует базовый источник, своеобразный стержень исторического повествования, к которому можно было бы добавлять новые и новые подробности.

Предлагая вниманию читателей данную работу, автор ни в коем случае не претендует на полноту изложения темы. Предлагаемая книга всего лишь попытка более широкого, лишенного идеологических пристрастий описания и осмысления исторических событий. Большинство "подвигов" М. Никифоровой по видимому еще не вошло в объем историографии, но общую картину ее деятельности уже можно определить.

Анабасис анархистки

”То исполненный неодолимого соблазна, то полный ужаса и отвращения, синоним совершенной гармонии и братского единения, символ погрома и братоубийственной борьбы, торжество свободы и справедливости, разгул разнузданных страстей и произвола - стоит анархизм великой волнующей загадкой и именем его равно зовут величайшие подвиги человеколюбия и взрывы темных необузданных страстей...”
проф. А. А. Боровой ”Анархизм”

Анархизм - сложное философское и социально-экономическое учение, имеющее в себе множество течений и множество данных ему определений. Желая достичь полного освобождения личности от всех видов угнетения, анархизм в числе первых своих задач ставит уничтожение государства, определяя его исключительно как аппарат принудительного общественного управления. Альтернативой государству анархисты видят распространение на сферу жизнедеятельности социального организма норм и законов гражданского общества.

Анархо-коммунистическое течение в анархизме возникло в начале XX столетия, когда несколько десятков русских эмигрантов, последователей учения П. Кропоткина, объединившись в группы, поставили себе целью распространение анархических идей на территории Российской империи.

Предварительно наладив за границей издательскую деятельность и подготовку пропагандистов, в 1903-1904 годах, эмиссары анархо-коммунистического движения проникают на территорию Украины, в первую очередь в ее южные промышленные центры. Завоевав себе авторитет в среде рабочей молодежи, они вскоре начинают организацию сети подпольных анархистских групп. Во время революционных событий 1905-1907 гг. в пределах Украины существовало около 90 анархистских организаций, гораздо более многочисленных и лучше организованных, чем их российские аналоги. Еще задолго до первой русской революции работавшие на Украине анархисты выработали и противопоставили столичному ”мирному” и просветительскому анархизму его террористическую, откровенно экстремистскую разновидность, которую среди исследователей учения принято называть ”южным анархизмом”. Применение анархистами революционного террора вызвало, в свою очередь, всплеск террора правительственного, породив во многих промышленных центрах Украины состояние гражданской ненависти.

Первые сообщения о появлении группы анархо-коммунистов в Александровске относятся к 1903 г. Главное отличие анархо-коммунистов от других анархистов состояло в том, что они считали возможным осуществление немедленного перехода к коммунистическому обществу. По их мнению, уровень развития человеческой цивилизации в начале XX столетия уже достиг нужного уровня. Переход к новой форме общества должен был произойти посредством насильственной социальной революции.

Образовавшаяся группа была одной из первых на Украине, но вместе с тем малочисленной и в политической жизни довольно пассивной. Ее участие в уездных революционных событиях, пиком которых стало вооруженное восстание александровских рабочих в декабре 1905 г., было малозаметным. Однако в следующем, 1906 году ситуация в корне изменилась. Александровская группа была втянута в круг интересов Екатеринославской федерации анархистов-коммунистов.

В начале 1906 г. съезд "анархистов-боевиков", подпольно состоявшийся в Киеве, определил Екатеринослав центром анархистской пропаганды и террора. Здесь планировалось поднять вооруженное восстание и объявить город "коммуной", наподобие Парижской. Несмотря на многочисленные аресты, в город удалось съехаться анархистам едва ли не со всей империи. Серия удачных экспроприаций помогла им организовать типографию и обеспечить федерацию достаточным количеством оружия и литературы. В окрестностях города было организовано около 20 филиалов федерации, одним из которых отныне числилась и александровская группа. Именно в этот момент и появляются первые документальные упоминания о интересующей нас личности.

Романтическая традиция в жизнеописании уроженки г. Александровска Марии Григорьевны Никифоровой, примерно 1886-1887 гг. рождения, выводит ее происхождение из семьи офицера, отличившегося во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Однако подобные сообщения, скорее всего не отвечают действительности. Даже находящейся в состоянии крайней бедности шестнадцатилетней дочери офицера вряд ли пришлось бы в 1904 г. начинать свою трудовую деятельность в качестве посудомойки александровского водочного завода. Управляющий, принимавший ее на работу, конечно же, не догадывался, что приютил на заводе будущую "атаманшу Марусю", как не догадывался и о том, что почти одновременно с поступлением на работу Мария вступила в местную группу анархо-коммунистов, решив испробовать себя на политическом поприще. Спустя несколько лет анархическая карьера М. Никифоровой продвинулась вперед. Она перешла в разряд "боевиков", то есть решением своих товарищей допускалась к участию в экспроприациях и террористических актах. Результатом изменения статуса Маруси стал ее арест в 1908 г. по обвинению в причастности к убийству полицейского исправника.

Суд приговорил молодую анархистку к смертной казни, однако по причине ее несовершеннолетия (совершеннолетие наступало, согласно законам Российской империи, в 21 год - В. Ч.), смертная казнь была заменена для Маруси бессрочной каторгой, или же, по другим данным, каторгой сроком на 20 лет. Некоторое время М. Никифорова отбывала заключение в одиночной камере Петропавловской крепости, пока в 1910 г. не была вместе с партией заключенных отправлена по этапу в отдаленные местности Сибири. Уже в Сибири, Марусе¹ удается сбежать с этапа и, преодолев границу достигнуть Японии. Не задерживаясь нигде надолго, Маруся переезжает в США, где принимает участие в деятельности недавно организованной Федерации анархо-коммунистических групп Северной Америки и Канады. Обретенные соратники со временем помогают М. Никифоровой перебраться в Европу, где, проживая по фальшивым документам, М. Никифорова сначала в Лондоне, потом в ряде городов Германии и Швейцарии, а под конец в Париже, организовала ряд самостоятельных анархических групп из числа русских эмигрантов.

Парижский период жизни М. Никифоровой довольно своеобразно раскрывает пестроту ее натуры. Маруся постоянно участвует в работе различных анархических организаций и социалистических конгрессов. Вместе с этим имеются сведения о ее увлечении искусством, занятиях рисованием и скульптурой в студии чуть ли не самого Огюста Родена. С началом первой мировой войны Маруся, используя случай, поступает и заканчивает в Париже военную школу, получив звание офицера. В конце концов, М. Никифорова выходит замуж. Ее избранником стал польский анархо-террорист Витольд Станислав Бжостек. Брачный союз двух террористов был весьма специфичен и, вероятно, недолог. Точно известно, что М. Никифорова постоянно была в длительных разлуках с мужем. Маруся принимает фамилию Бжостек, но в личных разговорах всегда называет себя исключительно Никифоровой.

Известия о начале Февральской революции 1917 г. заставляют М. Никифорову немедленно возвратиться в Россию. Прожив несколько лет в Европе, Маруся совершенно определенно понимает, что только дома она может найти ту обстановку: в которой новейшая "Жанна д'Арк" может полностью реализовать себя. Нужно признать, что в этом Маруся не заблуждалась.

Впервые М. Никифорова вмешалась в большую политику во время июльских событий 1917 г. в Петрограде. Репрессии Временного правительства против активно занимающихся деструктивной деятельностью анархо-коммунистов были ощутимы. В июне 1917 г. было арестовано около 60 питерских анархов. Их оставшийся на свободе лидер, депутат Петросовета И. Блейхман начал готовить очередное крупное антиправительственное выступление. На 3 июля планировалось проведение крупномасштабной военной демонстрации. Участие в ней кронштадтских матросов могло иметь решающее для ее успеха значение. Для агитации среди моряков была снаряжена специальная команда анархистов, которая смогла организовать на Якорной площади митинг, на котором, по оценкам очевидцев, присутствовало 8-10 тысяч человек. Действующие в Кронштадте большевики прилагали все усилия к тому, чтобы не допустить отправки моряков на помощь питерцам. Они считали несвоевременным осуществление в июле 1917 г. перехода власти в руки Советов. Ведь тогда это не означало захвата власти их партией, имевшей в Советах меньшинство. Но, несмотря на приложенные усилия, им удалось лишь отсрочить выступление кронштадтцев. На помощь делегации анархистов прибыла только что появившаяся в России Маруся. В ряде своих ярких выступлений на митингах второго и, в особенности, третьего июля Маруся смогла убедить "братишек" не стоять в стороне. Около 5 000 моряков выступили на помощь якобы начавшемуся в городе вооруженному восстанию.

Организовавшие демонстрацию анархо-коммунисты выдвинули довольно умеренные для своей доктрины требования: смена правительства на социалистическое по характеру, основанное на коалиционных началах. Распропагандированный анархистами 1-й пулеметный полк увлек за собой на демонстрацию еще шесть полков. На следующий день прибыли моряки и в городе начались вооруженные столкновения. Правительственные войска обстреляли демонстрацию. Препятствуя дальнейшему разжиганию страстей, большевики повели переговоры о прекращении конфронтации, и мятежные части вернулись в казармы.

Власти начали преследования анархо-коммунистов и большевиков. Впрочем, последних, как более "миролюбивых", вскоре освобождали из-под ареста в отличие от

анархистов. Их столичная организация была фактически разгромлена. И. Блейхман избегая ареста выехал под защиту кронштадтцев. М. Никифорова сочла лучшим вариантом вернуться в родные места, чтобы уже там попытаться возродить былую славу "южного" анархизма. В июле 1917 г. Маруся прибыла в родной Александровск, завершив этим свой восьмилетний анабасис, приобретший форму затянувшегося кругосветного путешествия. Впрочем, Маруся двинулась еще дальше, на ст. Пологи, где теперь проживала ее престарелая мать.

Оставим на некоторое время описание течения жизни М. Никифоровой и попытаемся дать краткую характеристику личностных качеств и сложившихся политических взглядов анархистки, пока еще только приближающейся к пику своей известности.

Выбранная М. Никифоровой профессия и преклонение перед конспирацией накладывали свой отпечаток даже на описание внешности нашей героини. Деятельность террористки не располагала к тиражированию своей внешности. Качественных фотографий М. Никифоровой не сохранилось. Следует заметить, что даже при этом именно известность Маруси окажется для нее роковой.

Если опустить традиционные схематические описания внешности революционерки, типа: "худощавая женщина с тонкими чертами лица, нестигаемым духом и отчаянной решительностью в глазах", то обнаруживается, что авторы, обращавшие внимание на немаловажное для любой женщины обстоятельство ее внешности, условно делятся на два противоположных лагеря. Одни описывают ее как образец женской красоты, другие, наоборот, как пример женского безобразия. Вот, к примеру, описание Маруси, оставленное в начале 1918 г. анархистом М. Чудновым: "Это была женщина тридцати двух, или тридцати пяти лет, среднего роста, с испытанным преждевременно состарившимся лицом, в котором было что-то от скопца или гермафродита. Волосы острижены в кружок. На ней ловко сидел казачий бешмет с газырями. Набекрень надета белая папаха". Еще более отталкивающей внешностью награждают М. Никифорову в своих мемуарах некоторые большевики. Вполне вероятно, что в их мемуарах идеологическая предвзятость касается даже категорий женской привлекательности. Так, коммунистический агитатор М. Киселев следующим образом описал свою встречу с М. Никифоровой на митинге в Бердянске в мае 1919 г.: "Около тридцати лет. Худенькая с изможденным испытанным лицом, производила впечатления старой засидевшейся курсистки. Острый нос. Впалые щеки... На ней блузка и юбка, на поясе висит небольшой револьвер". Ко всему вышесказанному М. Киселев обвиняет М. Никифорову в наркомании. Она, якобы, на людях, в бердянском городском саду нюхала кокаин. Следует заметить, что общий уровень аутентичности воспоминаний М. Киселева достаточно низок. В пику М. Киселеву можно привести воспоминания о Марусе еще одного большевика, С. Ракши, весной 1918 г. значившегося секретарем партбюро Днепровского красногвардейского отряда:

"Говорили, что она женщина красивая, и что ее адъютант штабс-капитан Козубченко, тоже красавец и щеголь, не спускает с нее глаз. Я застал их обоих. Маруся сидела у стола и мяла в зубах папироску. Чертовка и впрямь была красива: лет тридцати, цыганского типа, черноволосая, с пышной грудью, высоко поднимавшей гимнастерку".

Кроме всего прочего, похоже, с Марусей сыграло злую шутку ее умение изменять внешность и манеры своего поведения. Ее считали "своей" рабочие и махновцы,

матросы и белогвардейские офицеры. Разные люди воспринимали ее совершенно по-разному даже в оценке ее привлекательности. Но, даже опуская фактор женской внешности надо признать, что Маруся силой своей личности производила на встреченных ею людей осязаемый эффект. Маруся, несомненно, обладала незаурядным умом, разносторонностью интересов, отлично владела ремеслом оратора, а также несвойственной женщинам храбростью и даром влияния на людей. Обладая большой силой воли, Маруся представляла собой строптивую, непокорную натуру.

Картину политических взглядов Маруси можно восстановить довольно точно, используя сохранившиеся пересказы ее многочисленных выступлений. Заметно, что М. Никифорова испытала на себе влияние взглядов анархо-коммунистической группы "Безначалие" и отделившейся от нее группы "чернознаменцев". Под влияние идеологии этих групп Маруся попала, скорее всего, в молодости, так как пик их активности пришелся на годы первой русской революции. Тюрма, каторга и заграничные скитания, похоже, не просто укрепили ее приверженность анархизму, но и разожгли в ней фанатические настроения. Дело в том, что вышеназванные анархические группы вооружили идеологию анархизма принципом необходимости "безмотивного-классового террора". Это означало, что любого представителя буржуазии могла постигнуть казнь от руки революционера уже за сам факт его принадлежности к эксплуататорским классам. Это была попытка обосновать идеологически переход от классического для русских революционеров террора индивидуального к террору массовому. С помощью многочисленных террористических актов анархо-коммунисты стремились запугать буржуазию, подвинуть предпринимателей к безусловному выполнению требований рабочих. С другой стороны, подтолкнуть последних на активные выступления, бунт. В преклонении экстремистски настроенных революционеров, частным проявлением которых может считаться и М. Никифорова, перед "народом" проглядывает точно подмеченное А. Камю религиозное чувство. Место Бога заняло идеализированное, взятое, так сказать, в чистом виде понятие "народа". Люди, считавшие, что борются за царство справедливости, шли на убийство ничем не повинных людей. Оправданием этому становилось искупительное течение их жизни, с постоянно присутствующей и во многом прогнозированной угрозой их гибели.

Кроме этого, в 1917 г. Маруся увлеклась свежим течением "советского анархизма", несмотря на то, что его приверженцев большинство тогдашних анархистов считало ренегатами. В необходимости встать на позиции "советского" анархизма, непосредственно перед отъездом Никифоровой в Александровск, ее убедил известный теоретик кооперативного движения и анархо-мистицизма Аполлон Карелин. По его убеждению, это была самая верная позиция анархо-коммунистов по отношению к власти. "Советские анархисты" должны были признавать полномочия Советов и даже могли входить в их состав, святоотчественно отказываясь от принципа не вхождения анархистов в органы власти. Следуя этой позиции, анархо-коммунисты должны были поддерживать революционные власти в их преобразованиях покуда они развиваются по пути углубления революции (ликвидация старой системы власти, выполнение народных требований). Когда же, по мнению анархистов, власть решит приостановить развитие революции на пути к социальной², тогда анархисты должны восстать против правительства. При этом анархисты разделяли довольно

наивное и вместе с тем искреннее убеждение в том, что в будущей конфронтации народ, безусловно, поддержит анархистов, сразу поняв, кто прав и кто есть на самом деле истинный защитник революции.

М. Никифорова считала, что буржуазная революция ничего не изменила в жизни простонародья. Маруся действительно жаждала блага народу, который после революционного взрыва, по ее наблюдениям, снова возвращался в состояние полной пассивности перед властью, которая просто изменила свою форму, не меняя сущности. М. Никифорова с присущей фанатикам решительностью поставила себе жизненной задачей придать этому процессу обратный ход. Она решила продолжать революцию, продолжать "бунтовать" народ, не дать ему успокоиться, ведь именно успокоившихся придавливает своей силой государство. "Взбунтованный" народ легче направить на свержение властей и конечное недопущение возникновения новых. Маруся неадекватно оценивала окружающую обстановку и неадекватно реагировала на нее. Маруся чувствовала убегающее время. Она спешила.

Идеи нового общества были привлекательны, пути его достижения просты и понятны: уничтожить эксплуататоров, запугать, перебить, в конце концов, всех жаждущих дорваться до власти негодяев. Лично Маруся стреляла без особых раздумий. Маруся не чувствовала необходимости в конструктивной программе. Не нужен был ей и социальный идеал будущего, приманивающий людей. В своих выступлениях Маруся не раз говорила: "Анархисты ничего и никому не обещают. Анархисты желают, чтобы люди осознали себя и сами брали свободу". Когда они это сделают, у них откроется возможность воплотить в реальность все свои мечты. Можно сказать, что позитивная программа в деятельности М. Никифоровой отсутствовала полностью. Маруся считала ее уделом других людей, себе, отводя роль ниспровергателя и мстителя, своеобразного контролера революционного процесса. Исповедуя именно эти жизненные принципы, М. Никифорова и прибыла в город своей юности.

Александровск и Гуляй-Поле

”Да!.. Чертова эта красотка,
Тихоня, но лучше не тронь.
По виду она счетоводка,
А глянет - и вспыхнет
огонь!” Э.Багрицкий ”Дума про Опанаса”

Александровская федерация анархистов вновь организовалась в июне 1917 г. и приобрела традиционную для города анархо-коммунистическую окраску. Когда через месяц после ее возникновения в город вернулась М. Никифорова, говорить о каком-то влиянии федерации на политическую жизнь не то что уезда, но и города, пока не приходилось. Появление в составе федерации известного деятеля социалистического движения, которым, безусловно, можно считать Марусю, в корне изменило ситуацию. Ораторские способности М. Никифоровой и ее имидж женщины-революционерки снискали себе приверженцев среди городских рабочих. После того, как Маруся проводит удачную экспроприацию одного миллиона рублей из кассы Александровского заводчика Бадовского, она прочно занимает место неформального лидера федерации. При этом напомним, что никаких начальных должностей в организациях анархистов принципиально не существовало.

Меж тем, Александровск оказался не единственным очагом анархизма в уезде. В отстоящей не более чем в ста верстах от уездного центра волости развернула деятельность Гуляйпольская Группа Анархо-Коммунистов (ГГАК) во главе с Нестором Махно. Ее лидера Александровские анархисты знали хорошо, он приезжал на церемонию открытия федерации, выражал в разговорах неподдельный энтузиазм и предлагал посильную помощь. Но результаты проводимой им дома политики и начавший приходить к нему из-за этого успех серьезно волновал анархистов, так как Н. Махно допускал совершенно вольную трактовку основных принципов анархического учения.

Подстрекаемая Н. Махно ГГАК ввязалась в борьбу за власть на местном уровне и к июлю 1917 г. фактически захватила ее. Контролируемый анархистами Крестьянский Совет парализовал деятельность органа Временного правительства - Общественного комитета, захватил большинство его секций, а вскоре создал, по сути, руководящий орган власти ”независимой” волости - Гуляйпольский Совет. При этом Н. Махно, опасаясь возникновения ситуации отрыва социальных требований доктрины анархизма от непосредственных требований крестьянства, склонял группу к возможности отказа от некоторых принципов деятельности анархистов, оставляя в неприкосновенности лишь главную цель - построение в будущем анархического общества. Для повышения эффективности своей деятельности ГГАК допускала участие своих членов в органах власти, стремилась установить строгую внутреннюю дисциплину и заявляла о своих намерениях добиться ”постоянного идейного и политического

руководства массами”. С точки зрения укоренившихся в теории анархо-коммунизма людей, это была самая, что ни есть анархическая ересь. Исповедующая подобные взгляды организация по многим признакам становилась идентичной политической партии.

Критика и пререкания с гуляйпольцами по поводу понимания тактики анархистов в революции, по-видимому, сначала велись через третьи руки, пока, наконец, Маруся не решилась самолично направиться в Гуляй-Поле с явной целью навести там порядок.

В воскресенье, 29 августа 1917 г. инициативная группа анархистов из четырех человек неожиданно прибыла в Гуляй-Поле, чтобы направить Н. Махно на истинный революционный путь. Реформаторскими действиями Н. Махно были недовольны и многие члены ГТАК, так что критика М. Никифоровой нашла своих слушателей в среде гуляйпольцев.

Н. Махно обвинялся в государственническом уклоне. В том, что под его лидерством организация анархистов превращается в политическую партию, стремящуюся к захвату политической власти. Вместе с этим, М. Никифорова считала, что гуляйпольцы слабо ”притесняют” местную буржуазию, не производя на нее террористического давления.

Маруся настаивала, что главным для анархиста всегда должны оставаться ”бунтарские идеи”. Бунтовать народ до тех пор, пока не будут уничтожены последние властнические органы. Бунтовать немедленно, сегодня, сейчас, пока наметившуюся среди народа тенденцию к угасанию революционного порыва можно было, по мнению М. Никифоровой, остановить: ”Русская действительность не соответствует воле народа, но он уже не может ее сформулировать и выразить... Ничего не делая, мы проживаем капитал, и, если так будет продолжаться, то мы рискуем забыть о подлинном своем назначении”. К незамедлительным действиям Марусю подталкивало также начавшиеся, по ее мнению, наступление ”Власти” на ”Революцию”, в первую очередь связанное с появлением на Украине правительства Центральной Рады.

Призыв М. Никифоровой к дальнейшим действиям известен в пересказе махновца Н. Зуйченка: ”Триста лет существовал дом Романовых - триста лет тирании; собака стала дороже человека. И все это подлецы узаконили. Триста лет накапливали гнев, миллионы борцов отдали жизни за светлое будущее. Священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению; революционная страсть, безграничная сила в творческие силы масс - вот та движущая сила, которая нам не должна дать самоуспокоиться. Наше дело - готовить массы - к широкому народному восстанию и делать революцию не вместо народа, а вместе с народом”. По мнению Маруси, надо было начать немедленное революционное насилие по отношению ко всем защитникам устоев едва состоявшейся буржуазной революции, преследуя целью их разрушение.

Для Гуляй-Поля в первую очередь надо было подавить деятельность местного отделения Украинской Партии Социалистов-революционеров (УПСР), составлявших политическую конкуренцию ГТАК. М. Никифорова, ничуть не смутившись, призывала проводить террористическую политику против сторонников украинской государственности³.

В тот же день Маруся организовала митинг в гуляйпольском "саду". Во время его Н. Махно передали пакет с телеграммами о начавшемся корниловском мятеже. Остановив Марусю, Н. Махно произнес короткую речь о "казни над революцией" и зачитал полученные сообщения. Толпа разразилась яростью, которая за неимением лучших кандидатур вылилась на бывшего сельского пристава Иванова, присутствовавшего на митинге. Не теряя времени, Маруся спрыгнула с трибуны и "арестовала" его. Однако Н. Махно, по-видимому, догадавшись о дальнейших намерениях М. Никифоровой и не желая терять свое реноме местного лидера, вступился за Иванова. "Наша борьба по защите революции должна начаться не с убийства бывшего пристава, - заявил он с трибуны, - наша борьба должна начаться с более серьезного..." Но с чего должна начаться борьба гуляйпольцев Н. Махно еще не представлял, поэтому попросил людей подождать до окончания заседания Гуляйпольского совета и ГТАК, а потом вернуться и окончить свой призыв. И люди ждали пять часов под еще жарким августовским солнцем. Когда Н. Махно с сотоварищами выработали план действий и вышли к народу, наиболее понятливые его представители уже успели вооружиться охотничьими ружьями.

Первейшей для себя задачей анархисты определили проведение конфискации оружия у местной буржуазии и помещиков. Помимо этого, было решено организовать нападение на расположенные на ст. Ореховская две роты Преображенского полка. План нападения был предложен М. Никифоровой.

На участие в акции удалось подбить толпу числом до 200 человек, причем все ее вооружение состояло из двух десятков револьверов, отобранных накануне у сельской милиции. Однако ставка на внезапность и количество не подвела.

Примерно 10 сентября 1917 г., приехав поездом прямо на станцию, анархисты разыскали в цейхгаузе винтовки. Потом двинулись в Орехово, где окружили штаб воинских частей. Их командиру удалось скрыться, схватить смогли только несколько младших офицеров. На них Маруся продемонстрировала пример революционной решимости, собственноручно расстреляв людей, вся провинность которых заключалась в их принадлежности к "офицерской касте". Застигнутые врасплох солдаты сдались без боя, сложили оружие и впоследствии беспрекословно разъехались по домам.

Посчитав дело сделанным, Маруся вернулась в Александровск. Однако Н. Махно остался верен себе и декларировал создание органа военной власти в районе - Комитета Спасения Революции⁴.

Как ни странно, в это время критика махновской политики со стороны Маруси стихает. Этому, по-видимому, способствовало то обстоятельство, что Гуляй-Поле вступило в острый конфликт с уездной администрацией временного правительства, угрожающей анархистам арестом за проведенные ими мероприятия по разделу помещичьих земель и "разоружение буржуазии". Чувствуя слабость исполнительной власти, Н. Махно решается на контрудар, организуя агитационную поездку в Александровск с целью лишить власти опоры на ее же территории.

Во второй половине октября 1917 г. делегаты ГТАК Н. Махно и В. Антонов явились в уезд. Приехали смело, в случае их предполагаемого ареста товарищи должны были организовать военный поход Гуляй-Поля на Александровск. Уже в городе к агитаторам присоединилась М. Никифорова. Выступления анархистов продолжались

три дня и имели успех среди солдат и рабочих города. Они также стали последней каплей, переполнившей чашу терпения уездного правительственного комиссара Б. Михно и военного комиссара эсера С. Попова. В частности, последним был дан приказ солдатскому комитету ремонтных мастерских ни в коем случае, под угрозой отправки на фронт, не допускать анархистов к солдатам. Анархисты, тем не менее, апеллируя к солдатам, проникли в казарму и устроили антиправительственный митинг. Услышав про это, Попов лично явился на митинг, где едва не был избит расхрабрившимися солдатами. В эту же ночь, едва лишь гуляйпольцы уехали, Маруся была арестована.

Н. Махно в своих мемуарах говорит, что поводом для ареста Маруси якобы послужило то обстоятельство, что, выступая перед рабочими от имени крестьян, она не имела на это соответствующих полномочий. На самом же деле, Марусю посадили, так сказать, за всю совокупность ее деятельности, в частности, по делу об экспроприации заводчика Бадовского, которое хоть и с большим опозданием, но всплыло наружу.

Отыскав квартиру анархистки, милиция арестовала ее и, усадив на авто, препроводила в тюрьму. Но ситуация стала развиваться в нежелательном для властей направлении. За несколько месяцев своей работы Маруся смогла снискать в среде рабочих значительное число поклонников ее революционного таланта. Весть об аресте анархистки достигла их еще до начала рабочего дня, а к обеду к правительственным комиссарам явилась делегация, требующая от имени рабочих освобождения М. Никифоровой. В приеме ей было отказано. Тогда демонстрация недовольных рабочих пошла просить помощи к городскому Совету рабочих и крестьянских депутатов, создававшему в Александровске известный прецедент "двоевластия". Председатель Совета меньшевик Мочалов был в буквальном смысле слова пойман на улице демонстрантами. Тут же из состава демонстрантов была образована "комиссия", которая, усадив Мочалова на извозчика, помчалась к тюрьме на выручку.

Тем временем известия об аресте Маруси достигли Гуляй-Поля. Анархистам удалось связаться по телефону с правительственным комиссаром, который подтвердил правильность информации, обещая, что если Гуляй-Поле будет продолжать свою политику неподчинения уезду, то и тамошних анархистов постигнет подобная участь. Н. Махно охватил приступ гнева, и он потребовал незамедлительного освобождения Маруси, в противном случае угрожая незамедлительно сжечь имение Б. Михно (последний имел несчастье встретить революцию в качестве помещика). Правительственный комиссар разговор прервал.

Анархисты решили отправить на Александровск вооруженную экспедицию и объявили по селу о сборе добровольцев. Но добровольцы не пришли. Готовые ехать на защиту своих земляков, гуляйпольцы оказались равнодушными к призывам проявить анархистскую солидарность. Эта ситуация подтолкнула членов ГТАК к мысли о необходимости организовать при группе собственные вооруженные формирования.

Ночью инициативная группа анархистов обезоружила оказавшихся несговорчивыми участников ореховского дела и сумела вобрать достаточное количество розданных винтовок. Утром было объявлено о записи в "черную гвардию", куда на протяжении дня вступило около 60 человек местной, по преобладанию рабочей молодежи, которую спешно погрузили в вагоны и отправили в поход. Едва успела "гвардия" проехать 25 километров до ст. Пологи, как ее начальник вокзала показал Н.

Махно телеграмму о свержении Временного правительства. "Черногвардейцы" впали в эйфорию и, остановившись, стали митинговать, а потом занялись организацией пологовского ревкома. За этим занятием их и застала телеграмма правительственного комиссара из Александровска о том, что М. Никифорова им освобождена.

На самом деле Марусю освободили бы и без участия как Н. Махно, так и Б. Михно. Тюремщики, тоже стоящие перед дилеммой "двоевластия", вняли требованиям Мочалова и рабочих делегатов. Освобожденную Марусю ее поклонники даже несли какое-то время на руках по Соборной улице к зданию Совета. Здесь Никифорова устроила импровизированный митинг, на котором призвала рабочих к борьбе против государства. Вышеизложенные события повлияли на то, что в результате перевыборов был избран новый состав исполкома александровского совета, с более левым составом (вошло даже несколько анархистов), который уже не поддерживал требований Общественного комитета усмирить Гуляй-Поле.

Известие о петроградских событиях М. Никифорова встретила с энтузиазмом. С точки зрения анархо-коммуниста это было отражение процесса постепенного отмирания государственной власти. Сначала была уничтожена власть царизма, теперь власть буржуазии, правда, оставалась власть большевистско-левоэсэровского партийного блока, но, казалось, достаточно было еще одного решительного удара, чтобы и эта "последняя" власть сошла на нет.

Меж тем, власть в Александровске перешла к Совету, в чьем составе доминировали меньшевики и эсеры. С началом конфликта между Центральной Радой и Советской Россией, 22 ноября 1917 г., большинством своих голосов (147 против 95) александровский совет принял решение об интеграции в УНР. Прибытие в город подразделений украинских гайдамаков, по-видимому, ускорило принятие этого решения.

В это время Маруся была занята в основном формированием александровской "черной гвардии", начавшей организовываться немного позже гуляйпольской. К. Бондаренко, в частности, заблуждается относительно того, что "черная гвардия" Н. Махно и М. Никифоровой была единой организацией, внутри которой боролись за влияние эти лидеры анархо-коммунизма. На самом деле это были два совершенно самостоятельных отряда. Отряд Маруси кроме Александровска, уже с лета 1917 г. формировался в Елисаветграде: где также существовала сильная федерация анархистов и где, если верить В. Волковинскому Маруся даже убила председателя городского совета. В декабре 1917 г. Никифорова вступила в контакт с александровской большевистской организацией относительно свержения в городе власти Совета.

К середине декабря 1917 г. основные приготовления к восстанию были закончены. Большевики тайно получили партию вооружений и, главное, им удалось уговорить поддержать их выступление отряд черноморских матросов анархиста А. В. Мокроуса (Мокроуса). Двигавшиеся в Севастополь на пополнение моряки сначала не придали особого значения просьбам александровских революционеров, но после одумались и вернулись, остановившись на ст. Южная (ныне Запорожье-1). 12 декабря 1917 г. Мокроус в сопровождении конвоя явился на объединенное заседание александровского совета и заводских комитетов города и потребовал передачи власти в городе Совету исключительно большевистско-левоэсэровско-анархистского состава. Представители названных партий устроили матросам овацию, а меньшеви-

ки с эсерами, демонстрируя известный прием малодушной оппозиции, покинули заседание.

Оставшиеся члены совета создали штаб для ведения боевых действий против гайдамаков. Бои начались в ту же ночь и продолжались до 15 декабря, с перерывами для ведения переговоров. Оказалось, что украинские войска преобладали как количественно, так и качественно (в их распоряжении имелись бронев автомобили). В это же время большевики не решились применить имевшуюся у мокроусовцев артиллерию из-за предполагаемой величины нанесенных городу разрушений. Отряды большевиков и анархистов вынуждены были оставить город и обратиться за помощью к "рабочим и крестьянам". Подмога вскоре прибыла в виде питерских и московских отрядов Красной гвардии. 2 января 1918 г., уступая возникшему значительному перевесу в силах противника, гайдамаки отступили на Правобережье.

Власть в городе перешла в руки новообразованного Ревкома.

4 января в город прибыл с запоздавшей подмогой и отряд гуляйпольской "черной гвардии" под руководством братьев Савелия и Нестора Махно. Федерация анархистов и гуляйпольский отряд получили предложение направить в состав ревкома троих представителей. М. Никифорова заняла место заместителя председателя ревкома, которым избрали большевика Т. Михеловича. Н. Махно досталась, по его словам, "грязная" должность председателя "военно-революционной комиссии". Н. Махно обязывали решать судьбу арестованных большевиками людей, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности.

В методах проведения карательной политики Н. Махно сразу же встал в оппозицию большинству Совета, которое, включая "беспощадную" к врагам Марусю, предполагало по спискам расстрелять всех арестованных и запертых в "столыпинских" вагонах людей. В отличие от них Н. Махно требовал проведения хотя бы минимального конкретного разбирательства. Пока шли пререкания о судьбе несчастных заключенных, на революционный Александровск надвинулась по настоящему серьезная опасность.

На помощь восставшему против большевиков донскому атаману Каледину возвращались с фронта донские казаки. Н. Махно говорит о 18 эшелонах, но возможно он преувеличивает их число. Пропустить их через Александровск было невозможно по многим причинам. Но задержать казаков тоже было проблематично. Посовещавшись, ревком решил попытаться остановить и разоружить казаков на Кичкасском мосту. 7 января 1918 г. александровские отряды большевиков и "черные гвардии" Н. Махно и М. Никифоровой перешли на правый берег Днепра и окопались. Вскоре появились казаки и стороны, связавшись по телефону, договорились о проведении переговоров. Делегации встретились на полдороге между станциями Кичкас и Хортица. Н. Махно и М. Никифорова входили в состав делегации. В целом переговоры закончились безрезультатно. Одарив друг друга порциями угроз, парламентареры вернулись на позиции⁵.

Развинтив рельсы, ревкомовские силы стали ждать неприятельского наступления. Вскоре показались казачьи эшелоны. Казаки совершили большую ошибку, предварительно не выгрузившись из эшелонов. Этим они, по-видимому, решили заняться, подъехав прямо к неприятельским позициям. Однако машинист первого эшелона,

увидев перед собой разрушенные пути, резко дал задний ход, и состав столкнулся со следующим за ним эшеломом. Вагоны сошли с рельс, погибли люди и лошади.

Остальные эшелоны, узнав о крушении и демонстрируя полное отсутствие боевого духа уехали в сторону Никополя. Через час прибыла новая делегация, которая фактически капитулировала перед силами александровского ревкома. Разоружение казаков затянулось на вторую половину января 1918 г. Н. Махно говорит, что разоружили все восемнадцать эшелонов, хотя это утверждение сомнительно своей категоричностью. Официальные документы весьма туманно высказываются о "нескольких" разоруженных на 21 января эшелонах. Офицеров и казаков разоружили, обещая отпустить домой. Не желающих подчиниться бросали с моста в Днепр на верную смерть. Разоруженных казаков несколько дней обрабатывали агитаторы, в том числе и Маруся. По части ораторского искусства она значительно превосходила местных большевиков. Обстоятельство это отмечали, в частности, и представители александровской интеллигенции. Все это, в свою очередь, очень льстило Н. Махно: "Для нас (т. е. анархистов - В. Ч.), слышавших это из уст людей, стоявших в стороне от нас... все дни и годы революции, это было очень лестно".

Вообще на чисто мужские коллективы выступления М. Никифоровой подчас производили странный эффект. Н. Махно, в частности, вспоминал, что во время речей Маруси казацкая толпа снимала папахи, склоняла головы, а "многие казаки плакали как дети". При этом Махно добавляет, что перед этим казаки демонстративно смеялись после выступлений большевистских пропагандистов. Заметим, однако, что в своих мемуарах Н. Махно вообще преувеличивает внешние проявления человеческих чувств. Присущее лично ему восприятие действительности Н. Махно переносил и на окружающих. Персонажи его воспоминаний кричат, плачут, хватаются за голову и проклинают с каким-то театральным эффектом.

Разоруженных казаков отправили в Харьков, в распоряжение В. Антонова-Овсеенко, наркома по ликвидации контрреволюции на юге России. М. Никифорова и Н. Махно вернулись на свои ревкомовские должности. Как раз в это время перед Марусей появляется заманчивая перспектива оснастить собственный вооруженный отряд за счет большевиков. Однако сначала надо было убедить их в полной своей лояльности и это Марусе более-менее удалось. При этом косвенно пострадал Махно. Последнее время он откровенно тяготился пребыванием в городе. Он считал, что ему специально поручили исполнение "грязной" работы. Кроме того, ревкомовцы всячески препятствовали осуществлению идеи Н. Махно относительно разрушения с помощью динамита александровской тюрьмы. М. Никифорова в этом отношении полностью поддержала ревком, хотя впоследствии и сама будет заниматься привычным для анархиста занятием уничтожением тюремных построек.

После этого Маруся не поддержала Н. Махно в деле бывшего уездного прокурора Максимова. В молодости Н. Махно во многом незаслуженно был приговорен судом к смертной казни, замененной несколько спустя на бессрочную каторгу. Во время своего заточения в стенах каторжной тюрьмы Махно развил в себе просто таки патологическую ненависть к служащим правоохранительных органов. Вдобавок к этому, Максимов, по-видимому, каким-то образом был причастен к преследованию гуляйпольских анархистов в 1908-1909 гг. Недолго думая Махно приговорил арестованного прокурора к казни, но за Максимова неожиданно вступился ревком.

Максимов имел большой авторитет среди горожан и, не желая подрывать среди населения авторитет новой власти, большевики намерились в обмен на дальнейшее сотрудничество использовать бывшего прокурора на своей службе. Услышав о начавшейся тяжбе по поводу дальнейшей судьбы Максимова, Маруся вместе с делегацией правых эсеров приехала к Махно на ст. Южная и присоединилась к требованию ревкомовцев. Споры о судьбе Максимова шли всю ночь, на протяжении более 6 часов, и Махно был вынужден сохранить Максимова жизнь.

В конце января 1918 г. Н. Махно оставил должность и вместе с отрядом гуляйпольцев собрался домой. Маруся была против их ухода, но ее просьбы остаться не возымели на Н. Махно никакого влияния. Провожать "братьев анархистов" на Екатерининскую станцию (Запорожье-II) Маруся выехала на коне. Теперь она была вынуждена более полагаться на собственные силы, хотя связи с Гуляй-Подем, конечно же, сохранялись.

Почти сразу же после отъезда Махно в Гуляй-Поле Маруся договорилась с ГТАК о новой операции разоружения, прошедшей опять таки на удачливой для анархистов ст. Ореховская. В данном случае там расположился батальон 48-го бердянского полка, с неясной политической окраской, но определенно нелояльно относящийся к советской власти. Отряды "черной гвардии" и александровской федерации, подъехав каждый со своей стороны к станции, без особых проблем разоружили батальон. Сообщения об акции поначалу вызвали радость у командира расположенной в Александровске группы красногвардейских отрядов Богданова. Он, а также члены уездного ревкома полагали, что анархисты привезут захваченное оружие в город, как никак Маруся продолжала оставаться на посту заместителя ревкома. Маруся, однако, вернулась ни с чем. Гуляйпольцы, демонстрируя пренебрежение официальным начальством, оставили все захваченное оружие (включая несколько минометов) себе.

Этот эпизод примечателен тем, что после него Маруся прекращает свою политику лояльности к большевикам. На базе александровской федерации анархистов выросла крепкая террористическая организация, имевшая собственные вооруженные силы и готовая помериться силами с любой из окружающих ее властей.

Затрагивая тему взаимоотношений Н. Махно и М. Никифоровой, невозможно обойти вниманием еще один ее аспект, а точнее еще одну идею фикс, которая мучит ворвавшуюся в изложение исторических событий беллетристику - это история личных взаимоотношений "Нестора и Маруси". Их судьбы действительно очень похожи, особенно в молодости. Оба деятеля анархизма, к примеру, были помилованы только по причине своего несовершеннолетия и прошли через царскую каторгу. По законам жанра, две одиозные личности, мужчина и женщина, в придачу запертые судьбой в пределы одного уезда и даже города, просто не имеют права не завести роман. У этого мифа долгая традиция. Породил ее, по-видимому, Б. Пильняк в написанном в 1924 г. очерке "Ледоход". Потом по этой теме прошла советская историко-революционная литература. Вот как, к примеру, описывает воображаемый быт махновского штаба образца 1920 г. писатель З. Шейнис: "В вагоне было душно, несло перегаром. В едком махорочном дыму Бела Кун увидел батьку полулежащего на медвежьей шкуре... Слева на кошме пристроилась Маруся Никифорова, сожительница батьки... Она была пьяна и смотрела на Бела Куну осоловевшими глазами. Махно молча взглянул

на гостя, медленно поднялся..., сквозь зубы процедил Маруське: - Убирайся! Будет важный разговор.” Самое интересное в этом эпизоде то, что Маруська умудрилась сожительствовать с Махно даже после того, как была казнена белогвардейцами. Свидетельства этого можно было разыскать и в сугубо коммунистической литературе. Последний вариант этой истории содержится в новейшем киносценарии (“Анархист” В. Савельева), посвященном жизнедеятельности Нестора Ивановича. Пресса тоже не стоит в стороне. Журналистка Е. Косинчук, скорее всего под влиянием того же В. Савельева, на полном серьезе убеждает читателей в том, что Маруся была “вечной любимой” Н. Махно и задается вопросом “любил ли Нестор свою соперницу в славе?” В данном случае рассказ Б. Пильняка куда предпочтительней современным версиям, по крайней мере, по своему художественному уровню. Он содержит в себе все элементы мифа: “Маруся страшная женщина, ...красавица”. Принимала участие в боях, расстреливала пленных, “а ночью она пожелала быть женою батько, и батько никогда не видал более неистойвой женщины”. С точки зрения исторической науки, все эти страсти являются не чем иным, как художественным вымыслом. Никаких свидетельств, хотя бы косвенно намекающих на интимную связь Н. Махно и М. Никифоровой, не имеется и, скорее всего, никогда не будет обнаружено. Что же касается стереотипного восприятия анархиста как обязательного сторонника “свободной любви”, то от него давно пора отказаться даже литераторам. Словно намеренно стараясь подчеркнуть чисто деловой характер своих отношений с Марусей, Н. Махно в своих воспоминаниях иначе чем “тов. М. Никифорова” свою соратницу не называет. А вот о наличии своеобразного уважения друг к другу со стороны политических друзей-соперников, можно говорить с определенностью. Н. Махно сошелся с Марусей более чем с каким-нибудь другим анархистом в уезде. Именно с Марусей Махно предпочитал выступать на митингах. Никифорова стала для Махно одним из главных связующих села с городом, через нее узнавались новости, устанавливались контакты с заводами, большевиками и т. п. Гуляй-Поле в свою очередь стало для Маруси опорой в политических передрыгах. Между тем, Махно и Маруся не отказывали себе в удовольствии подвергнуть критике проводимую друг другом политику. Махно считал Марусю анархистом-догматиком, предупреждая, что, придерживаясь не имеющих сочувствия в народе методов деятельности, анархисты, в конце концов, придут к своему обособлению от масс. В понимании Махно “чистота” марусиново анархизма стоила для нее больше народного блага. Отраду же Никифоровой Махно отказывал в праве называться “анархическим”, то есть состоящим из анархистов. Махно называл его “анархистующим”, отмечая преобладание в нем случайных людей, отсутствие определенного плана действий, его приверженность “духу разгильдяйства и безответственности”, в котором отражались все негативные черты так называемого “городского” анархизма, которому Махно противопоставлял его “крестьянский” вариант. Махно не считал Марусю ни своим единомышленником, ни человеком внесшим значительный вклад в развитие махновского движения. Что характерно, Маруся не входит в число 16 соратников, памяти которых Махно посвятил свои воспоминания.

Командир ”Черной гвардии”

”Дворники, творите анархию!””Швейцары, творите анархию!”
”Кандалышники, воры, убийцы, проститутки!”
Сыны темной ночи, станьте рыцарями светлого дня, творите анархию!”
Бр. Гордины ”Манифест пан-анархистов”

9 февраля 1918 г. в Бресте был подписан мирный договор между Украинской Народной Республикой (УНР) и блоком государств Четверного союза. За признание этими странами факта своего существования и за установление ”порядка” на ее территории, УНР должна была расплатиться неравноправным экономическим договором. Немедленно начавшееся после этого наступление немецких армий по всему фронту вскоре вынудило Советскую Россию к срочному подписанию Брестского соглашения. Один из его пунктов обязывал Советскую Россию немедленно примириться с УНР и признать условия ее договора с Четверным Союзом. Российские вооруженные формирования должны были оставить украинскую территорию.

Большевики, однако, попытались организовать отпор немцам со стороны созданного ими марионеточного правительства Народного секретариата УССР. Красногвардейские отряды были переподчинены украинским большевикам, пополнены местными отрядами и объединены в пять армий под общим командованием В. Антонова-Овсеенко, на которые возлагалась надежда остановить двигавшуюся на Украину 400-тысячную армаду оккупационных армий. С самого начала дело организации сопротивления стало приобретать характер авантюры. Даже с учетом всех вспомогательных формирований, армии украинских большевиков едва достигали 30 000 чел., что наглядно свидетельствовало об эфемерности большевистского влияния на Украине. В середине апреля 1918 г. из России на Украину было прислано 112 тыс. винтовок, но ими просто некого было вооружать. В этот момент о желании сотрудничать с большевиками в деле борьбы с немцами и Центральной Радой заявили анархистские украинские организации, сформировавшие несколько десятков отрядов и дружин.

Союзнические отношения с большевиками М. Никифорова в отличие от других анархистских организаций установила заранее и на более высоком уровне. Помогая большевикам захватить власть в Александровске, М. Никифорова и в дальнейшем старалась представить себя человеком вполне лояльным к их политике. Маруся непосредственно вышла на В. Антонова-Овсеенко, когда он еще находился в должности наркома по борьбе с контрреволюцией на юге. Первая встреча между ними, похоже, произошла 11 декабря 1917 г. Ее результатом для М. Никифоровой стал полученный от наркома аванс с возвратом в сумме 200 рублей. 25-26 декабря 1917 г. отряд Маруси прибыл в Харьков для оказания большевикам помощи в установлении советской власти. Город, правда, был занят красногвардейскими отрядами без боя, так что М. Никифорова отметилась только устроенными для народа раздачами конфискован-

ных из магазинов товаров. 28-29 декабря 1917 г. отряд М. Никифоровой участвовал в боях с гайдамацкими отрядами Центральной Рады во время установления советской власти в Екатеринославе. Со слов Маруси, ее отряд первым из внешних красногвардейских отрядов прорвался в город, а сама М. Никифорова лично разоружила 48 человек. Факт участия Маруси в установлении советской власти в трех, включая Александровск, крупных городах Украины, казалось, расположил большевиков к доверию. Популярность Маруси резко возросла, о ней узнали, ее личность приобрела определенный колорит. Никифорова стала единственной женщиной-командиром крупного революционного отряда на Украине.

Отношения между В. Антоновым-Овсеенко и Марусей сложились весьма доверительные. Забегая наперед скажем, что В. Антонов-Овсеенко станет в будущем ее единственным защитником среди коммунистической верхушки. Даже в 30-е годы, когда имя Маруси Никифоровой однозначно будет причислено к лагерю врагов советской страны, в своих воспоминаниях В. Антонов-Овсеенко даст ей в целом положительную характеристику, назвав "энергичной и бестолковой водителем анархических отрядов". А в январе 1918 г. В. Антонов-Овсеенко назначает М. Никифорову "начальником формирования кавалерийских отрядов в Степной Украине", выделив для ее нужд значительные денежные средства, которые позволили Марусе организовать, так называемую "Вольную боевую дружину". Считалось, что подобно другим, данная военная единица находилась в подчинении высшего военного руководства республики, но неспособность последнего в начале 1918 г. контролировать события на местном уровне позволяла возглавившей "дружину" М. Никифоровой проводить самостоятельную политику.

Погрузившись в эшелоны, "Вольная боевая дружина" двинулась навстречу врагу. Бойцы Маруси были прилично снаряжены. К примеру, они регулярно получали пищу, а не находились подобно большинству красноармейцев "на подножном корму". В распоряжении "дружины" имелись два орудия и бронеплатформа. В вагонах перевозились броневики, кони, тачанки. При необходимости эшелон выгружал из себя десантные отряды, действующие в удаленных от железной дороги местностях, что тоже выгодно отличало "дружину".

Одновременно с этим внешний вид бойцов отряда носил на себе отпечаток оригинальности. "Дружинники" старались поддерживать популярную в те годы моду "под анархиста", обязательным элементом которой должны были быть длинные волосы и пестрота одежды. Как вспоминал позже чекист И. Матусевич, "вид у... бойцов отряда был, мягко говоря, необычным... Здесь были и офицерские френчи, накрест опоясанные пулеметными лентами, и лихо заломленные бараньи шапки. Кто-то щеголял в до блеска начищенных добротных сапогах, за голенищами которых поблескивали черкесские ножи. Из-под расстегнутых солдатских и офицерских шинелей виднелись штатские пиджаки и крестьянские сорочки. Под стать своему войску была и Никифорова".

Знаменем дружины стало черное полотнище из чистого шелка с надписью: "Анархия - мать порядка", причем сами анархисты любили объяснять, что это не лозунг, а имя собственное стяга безвластия. Эшелон анархистов был обвешан лозунгами как общереволюционного ("Мир хижинам - война дворцам!"), так и анархистского характера ("Освобождение рабочих - дело рук самих рабочих", "Власть рождает

паразитов! Да здравствует анархия!”). Роль неофициального гимна дружины на протяжении всей последующей тысячеверстной одиссеи Маруси взял на себя так называемый Марш анархистов. Марш полагалось петь на мотив известной революционной песни “Народная воля”. Существует распространенное заблуждение, что эта песня махновского происхождения. Однако источники в нескольких случаях конкретно указывают на факт ее исполнения анархистами до начала махновского движения. Текст этой песни настолько иллюстративен, что, по мнению автора, заслуживает полной публикации:

Споемте же песню под гром и удары,
Под взрывы снарядов, под пламя пожаров,
Под знаменем черным гигантской борьбы,
Под звуки набата призывной трубы!
Их много без счета судьбою забытых,
Замученных в тюрьмах, на плахе убитых,
Их много, о, правда, служивших тебе
И павших в геройской, неравной борьбе.
Берите винтовки и браунинги смело,
Пойдем бить буржуев за правое дело!
Довольно позорной и рабской любви,
Мы горе народа утопим в крови!

Пополнение дружины происходило на добровольных началах, анархисты принимали к себе всех желающих или, вернее сказать, всех подходящих им людей. Подобным образом обстояло дело и с уходом из дружины, из-за чего ее состав был крайне непостоянен. Бойцы Маруси были замечены в свое время в распевании следующего куплета “яблочка”:

“О - у - и - ах, яблочко, да куда котишься?! До Маруси в эшелон подработаться!” “Подработаться” - значит придти и вскоре уйти, поправив свое материальное положение за счет награбленного имущества. Внутри отряда выделялись державшиеся обособленными группками моряки “черноморы”, стяжавшие славу неустрасливых бойцов и грабителей. Впрочем, рядом со случайным элементом в дружине всегда существовала многочисленная группа анархистов и бойцов, лично преданных своему лидеру, составлявших своеобразное “ядро” отряда.

Однако стоило “красной” и “черной” гвардиям столкнуться с наступающей немецкой армией, как всем надеждам на успешную “революционную” войну пришел конец. Силы оказались слишком неравны. Войскам В. Антонова-Овсеенко, неспособным устоять против железной силы пришельцев, оставался один выход, чтобы не подвергнуться уничтожению - отступление. Достигнув Одессы, дружина Маруси начинает свой отход, хорошо зарекомендовав себя в нескольких арьергардных боях с войсками Центральной Рады. Но вскоре всеобщее отступление превратилось в планомерное бегство большевиков к границам России. Войска теряли всякий боевой дух.

Рубежом во взаимоотношениях “Вольной боевой дружины” с большевиками стал подписанный последними договор в Брест-Литовске. Маруся считала подобные действия прямым предательством революции, более того, она верила в продажность большевиков, как представителей власти, в прямом смысле этого слова. С момента получения известий о заключении договора фактически можно говорить о

разрыве союзнических отношений анархистов с большевиками. Разочаровавшись с помощью большевиков осуществить защиту революционных завоеваний, "Вольная боевая дружина" фактически выходит из-под их подчинения и начинает действовать самостоятельно, согласно личному волеизъявлению ее предводительницы.

Параллельно с этим, согласно отдаваемым Никифоровой распоряжениям, помещики, предприниматели и другие лица, подпадающие в ее понимании под понятие "буржуа", облагались контрибуцией весьма значительных размеров. Невыполнение требования почти всегда влекло за собой скорую расправу, как и малейшая попытка даже к пассивному сопротивлению.

В разряд "антинародных", чуждых революции вещей для Маруси входили и, независимо от их политической окраски, любые государственные учреждения и организации, в том числе и советские. Конфликты с местными коммунистическими властями случались еще по мере движения "дружины" на запад, к линии фронта. Когда же началось бегство на восток, эксцессы стали приобретать все более ожесточенный характер. Сопротивление местных властей или игнорирование марусиных приказов было равносильно приговору. Органы власти немедленно разгонялись анархистами. Они тоже подвергались реквизициям денежных фондов и продовольствия. Удовлетворив потребности отряда, излишки реквизируемого немедленно раздавались окружающему "народу". Если верить В. Волковинскому, Маруся постоянно любила повторять фразу: "Рабочие и крестьяне должны как можно скорее взять в свои руки все, что ими было сотворено на протяжении многих столетий и распоряжаться в своих интересах".

Маруся откровенно гордилась учиненными ею действиями, считая их правильными и благими для революции. "Трудно заставить Марусю прекратить перечень ее подвигов" - писал в 1926 г. один из слушавших ее в 1919 г. большевиков.

Проведение реквизиционных мероприятий не всегда проходило гладко. Так, "Одесский листок" от 22 марта 1918 г. сообщал об инциденте между Никифоровой и Григорием Котовским (также, кстати, анархистом) в местечке Березовка, недалеко от Одессы. Вступив в населенный пункт, Маруся, титулованная газетой "специалисткой по делам контрибуций, налажавшихся на мирное население захолустий", затребовала "легендарную" сумму, в противном случае угрожая "перерезать всех жителей..., угрожая жителям всеми ужасами Севастополя".⁶ На исполнение условий ультиматума был предоставлен один день. Но за березовцев неожиданно вступился находившийся неподалеку Котовский, заявивший, что "Советская власть достаточно обеспечена средствами и в грабительских доходах не нуждается". Он обратился к населению с контртребуванием не давать Марусе ни копейки и угрожал по-своему расправиться с каждым жителем, который откликнется "на преступный призыв Маруси". Одновременно с этим против Маруси выступил местный отряд красногвардейцев, насчитывающий примерно 150 чел. Достаточно, похоже, наслышанная о крутом нраве Григория Ивановича, Маруся отступила и, избегая конфронтации удалилась в другие, незащищенные местности.

За местное население вступался не только известный своей революционной импозантностью Котовский, но и другие, пока еще находившиеся в своих родных местах красногвардейские отряды, сами часто грабившие население после выступления в поход.

К примеру, во время пребывания Маруси в с. Колпино (Таврической губ.) к ней от имени ревкома соседнего с. Челбасы был откомандирован парламентар С. Ракша с предупреждением о невозможности учиняемых анархистами грабежей. Опубликованные им мемуары, конечно, предельно тенденциозны, но не лишены занимательности. "По улицам носились обвешанные оружием всадники. По одежде вроде моряки, но до того волосатые, что бескозырки с ленточками выглядели на их головах какими-то игрушечными. Марусю я нашел по черному флагу, развевавшемуся над крыльцом поповского дома... Я готов был к тонкому разговору, но дипломатия оказалась ни к чему. Маруся не скрывала своих намерений. Узнав, что я из Челбасского ревкома, она сказала: - А мы как раз нынче вечером собирались завернуть к вам. Хочу пустить красного петуха по вашим жидкам. - Пожалуй, у вас ничего из этого не выйдет. Какова численность вашего отряда? Двести сабель, - ответила Маруся, не спуская с меня хохочущих глаз. А у нас четыреста штыков, - отрезал я, почти вдвое преувеличив силы нашего отряда. Маруся вскочила: - Да ты что, сволочь такая, пугаешь меня? Казалось, что она вот-вот схватится за маузер, но в это время заговорил ее адъютант, молчавший до сих пор. - Ну зачем Маруся нам ссорится с большевиками из-за каких-то паршивых жидков. Давай лучше споем: "Святыи отче Иванэ, що будэмо робыть, як горилкы не станэ пыть?" И кто-то из второй половины дома, наверно хозяин, протянул басом - Господи помилуй, два с половиной!" На этом наш разговор по сути и закончился..."

С. Ракша - единственный, даже среди большевистских авторов, выдвигающий против Маруси обвинения в антисемитизме. Но, скорее всего под учиняемыми М. Никифоровой "еврейскими погромами" он понимал традиционный для ее отряда сбор реквизиций, попросту налагаемый на часто встречавшиеся в Таврии еврейские колонии, жители которых никогда не чуждались поддержки капиталистических отношений, по крайней мере, в своих отношениях с местным населением. Тот же Ракша говорит, что погромы творились под видом "красного террора", а Маруся при этом призывала к "жестоким расправам с врагами революции".

События последних дней февраля 1918 г., бесспорно, стали тем рубежом, за которым известность Маруси местного масштаба, сменилась масштабом всеукраинским, а то и более. Крупный административный центр в ходе продолжавшихся несколько дней боев был занят и разграблен анархистскими и красногвардейскими отрядами, возглавляемыми, хотя бы формально, женщиной-анархисткой. Этот парадокс революции, триумф анархии в равной мере впечатлял и обывателя и маститого политика. Это была участь Елисаветграда.

Участь Елисаветграда

”...Маруся замахнулась рукой на Байгород. Не рвите на себе одежды в отчаянии и печали.

Где та вода, в которую можно спрятаться от осинового гнезда?...”

Ю. Яновский ”Байгород”.

Первое появление ”Вольной боевой дружины” в Елисаветграде произошло 28 января 1918 г., когда анархисты в составе войск В. Антонова-Овсеенко двигались на запад вслед отступающим войскам Центральной Рады. Появление ”дружинников” Никифоровой, как и в других городах, помогло местной большевистской организации безболезненно свергнуть власть городского Совета, состоящего из представителей нескольких политических партий, включая украинских социалистов и русских конституционных демократов...

Началом волнений в городе, однако, послужила очередная выходка М. Никифоровой, которая на этот раз ради ”революционного эффекта” собственноручно расстреляла начальника городского военкомата полковника Владимирова. Поводом для учиненного деяния послужили многочисленные жалобы солдат. Говорили, что Владимиров отказывается выдавать им новое обмундирование, несмотря на достаточное его наличие на городском цейхгаузе. Большинство недовольных солдат составляли личности, ”сплавившие” свое имущество на рынке и явившиеся за новой обновкой. По этой причине и был прекращен отпуск обмундирования со складов.

Но для Маруси обстоятельства не имели ровно никакого значения, она видела только то, что офицер издевается над требующими должного солдатами, что уже было предлогом для применения террора. Явившись в квартиру Владимирова, Маруся приказала ему одеться и выйти во двор к солдатам. Когда он сделал это, Маруся застрелила его наповал. И солдаты получили свое обмундирование, которое они могли теперь по своему усмотрению продавать и пропивать, отмечая праздник революционного произвола. И не только солдаты. На все городские магазины Маруся самочинно наложила контрибуцию и вечером того же дня дружинники заняли городские магазины и начали раздачу имеющегося в них товара местному населению. Любой прохожий или специально явившийся на раздачу человек получал от анархистов ”вещь”, часто ему даже не нужную, смотря как распорядится удача. С ”вещью” он мог делать все, что ему заблагорассудится. Для того чтобы люди могли ненужные ”вещи” обменять на ”нужные”, Маруся разрешила в городе торговлю, только что запрещенную большевистским ревкомом. Сама Маруся раздавала детям сладости и другие подарки. После окончания раздачи отряд ”гулял”. Анархисты катались по улицам города на сгруженных с поезда и устланных коврами тачанках, пили водку, дебоширили и при случае грабили обывателей.

Зная, что в городе вместо Совета организовался обладающий всей полнотой власти большевистский ревком, Маруся встретила с его представителями и, назвав

их "пособниками буржуазии", подвергла их деятельность резкой критике. Среди пунктов обвинения был и типичный для Маруси упрек большевикам в "терпимом отношении к буржуазии". Действительно, городская ЧК еще не успела сформироваться. "Буржуазия", по мнению Никифоровой, должна была быть подвержена беспощадной экспроприации нажитого трудом рабочих имущества, а при малейшем намеке на сопротивление истребляться за свою принадлежность к классу угнетателей. К последним, кстати, по рассуждению Маруси, относились и члены большевистского ревкома. Видя в его лице только еще одного угнетателя народа, Маруся заявила о намерении ревком разогнать и расстрелять его руководителей. " - Посмотрим, - грозила ревкомовцам Маруся, - может кое-кого еще придется поставить к стенке". Далее М. Никифорова заявила, что свергала власть совета вовсе не для того, чтобы его заменил ревком, а потому, что ее отряд выступает вообще против существования каких-либо правительственных органов.

Подобная позиция анархистов не на шутку встревожила большевистское руководство города. По решению парткома было создано учреждение со странным даже для советской бюрократии названием "Комитет по урегулированию отношений с Марусей". Делегация от него 29 января 1918 г. посетила расположение "Вольной боевой дружины" и предложила анархистам покинуть город, подкрепив сообщение данными о численности вооруженных сил ревкома. Вряд ли это произвело на Марусю должное впечатление, но через несколько дней ее эшелон все-таки уехал, успев поучаствовать в разоружении местного юнкерского училища, учащиеся которого в пору Центральной Рады были переименованы в гайдамаков.

Через месяц события словно повернулись вспять. Начало немецкого наступления вызвало немедленную эвакуацию из города большевистских войск и учреждений. Задолго до появления немцев удалился и ревком, оставив город без какой либо власти. И она организовалась сама собой. На следующий после бегства большевиков день был создан Временный комитет революции (ВКР). Инициаторами его создания выступили ячейки партий, входивших в разогнанный анархистами и большевиками Совет. Комитет возглавил эсер Лагута. Оставшиеся в городе большевики были арестованы и посажены в тюрьму. Но "комитет" понимал, что большевики так просто не оставят их в покое. Через город ожидался проход отступающих красногвардейских отрядов.

На следующий же день меньшевики приступили к организации отрядов городской самообороны, раздавая оружие всем желающим из склада юнкерского училища. Также была организована домовая охрана со своими штабами, возглавляемая вышедшими из подполья офицерами.

Но вместо красногвардейцев в Елисаветград неожиданно прибыли эшелоны М. Никифоровой. На то время это была значительная вооруженная сила. В. Антонов-Овсеенко определял ее численность в 250 человек, 1 орудие и броневик. Но, скорее всего эти данные занижены. Так, участвовавший в дальнейших событиях большевик В. Тржасковский говорит о пяти броневиках, находившихся в распоряжении анархистов. Свидетели событий также упоминают о двух орудиях Маруси. К тому же отряд Маруси постоянно пополнялся и даже непосредственно в Елисаветграде.

Поначалу между городскими властями и анархистами установился нейтралитет. Маруся стояла в городе несколько дней. "Дружина" расположилась на вокзале,

будоража горожан разве что пением анархических песен. Грузовик анархистов методично, каждый день, объезжал магазины и пекарни, собирая контрибуцию. Хозяева, достаточно наслышавшись о Марусе, предпочитали беспрекословно отдавать все, что не просили бы анархисты.

Быт кочующих анархических эшелонов довольно удачно передает Ю. Яновский, посвятивший елисаветградским событиям свою повесть "Байгород": "Завтра будет хороший день. Марусин эшелон проснется и умоется лапой подобно коту. В салон вагоне зашевелится занавеска, и сонный анархист выглянет на перрон. Потом кто-то вскрикнет хозяйским голосом. Теплушки откроются. Дверные колесики создадут дружный хор, и перрон сразу наполнится смелыми братьями анархистами. Все они соберутся к вагону, где раздают пищу. Построятся, поругаются, поваляют дурака и подерутся немного солеными огурцами. Так начнется завтрашний день".

Но начавшийся подобным образом день закончился самыми настоящими боевыми действиями. Поводом послужила провокация. Неизвестно кем на 40000 рублей был ограблен кассир завода "Эльворти" и рабочие не получили зарплату. Между ними распространился слух, что это дело Маруси, а так же то, что анархисты намерены отомстить городу за арестованных большевиков, грозясь не оставить от него камня на камне. Охватившее рабочих возбуждение передалось и городскому руководству. Маруся со свитой решила приехать на завод лично и объяснить собранию рабочих ситуацию. Зал заседаний был переполнен, как-никак завод обеспечивал работой до 5000 чел. Маруся зашла в зал одна, оставив за дверью сопровождавших ее анархистов. Но рабочие не дали ей сказать даже слова. В зале поднялся несмолкаемый крик и ругань в адрес М. Никифоровой. Так и не сумев ни перемолчать, ни усмирить толпу, Маруся не выдержала. Выхватив из-за пояса два нагана, она открыла стрельбу по верх голов собравшихся. Среди собравшихся в зале вспыхнула паника. Люди бежали прочь, выломав двери и выскакивая в выбитые окна. Вбежавшие с гранатами в зал анархисты на руках вынесли свою предводительницу на улицу. По дороге к станции автомобиль анархистов был обстрелян. Маруся была ранена. В ее причастности к ограблению никто больше не сомневался.

В городе зазвонили в набат. Началось стихийное восстание. Штаб дал приказ наступать, и многотысячная вооруженная толпа ополчения отправилась на станцию. Уличные бои в городе продолжались несколько часов. Атака горожан на вокзал была очень кровопролитной, анархисты расстреливали наступающих мещан из пулеметов и забрасывали ручными гранатами и негде было укрыться. Но ненависть гнала людей к эшелону чуть ли не сплошным строем и Маруся не выдержала. Оставив арьергард прикрытия из наиболее отчаянных смертников, она отступила в степь к первому от города разъезду Канатово, откуда начала обстреливать из орудий следовавших за ней горожан. Произведенный осмотр наличного состава обнаружил, что некоторые анархисты попали в плен. Маруся решила ввязаться в бой и отбить товарищей.

Тем временем со стороны фронта в город наконец-то прибыли большевики. В Елисаветград со своим отрядом явился Александр Беленкевич - начальник резерва Южных советских войск и потребовал полного разоружения города. Ему отказали. Тогда, сев в автомобиль, Беленкевич поехал на Быковскую улицу, где находился центр сопротивления, не скрывая своих намерений расстреливать всякого, у кого окажется оружие. Но готовые к подобному развитию событий горожане по дороге с

четырёх сторон напали на отряд Беленкевича и после трехчасового боя полностью разгромили его, захватив множество пленных и несколько вагонов трофеев. Беленкевич в последний момент успел сбежать на поезде. Пленным красногвардейцам крепко досталось от елисаветградцев. Те были уверены, что пленные были непосредственно связаны с Марусей, и требовали от них сведений о ее местонахождении и планах. Рядовые бойцы, однако, ничего не ведали о произошедших событиях. По воспоминаниям бойца Г. Марченко, каждую ночь выводили на расстрел по 60-80 чел.

После легкой победы боевые настроения елисаветградцев укрепились еще больше. Был создан городской штаб, возглавляемый двумя отставными генералами, с участием офицеров и представителей рабочих, который стал деятельно готовиться к обороне. Ждали возвращения Беленкевича.

В это время меньшевики обратились к профсоюзам с требованием мобилизации рабочих для защиты города. Уговаривать пришлось недолго. Через каких-нибудь два часа первые рабочие отряды отправились за город. Перед рассветом была первая стычка с Марусей. Анархисты подъехали поездом предполагая, что стихийное ополчение успело разойтись по домам, и, надеясь снова беспрепятственно взять город, но когда в окрестностях города их обстреляли, они, отступив ненамного, выгрузились и заняли позиции.

Елисаветград старался выглядеть достойным противником. КЗР выдвинул лозунг "Долой анархию!". Удалось вооружить несколько тысяч человек. Со всех окрестных деревень были созваны вернувшиеся фронтовики, которым говорилось о необходимости защитить свои жилища от Маруси. Распространялись слухи, что Маруся грабит золотые оклады икон в церквях и т. д. Это вызывало энтузиазм. Марусю представляли атаманшей необычайно разросшейся шайки грабителей. Покориться женщине-разбойнику считалось позором. В распоряжении Елисаветграда имелась тяжелая и легкая артиллерия, пулеметы и даже три аэроплана "Альбатрос". Крестьяне, которые, немного опоздав, приехали из окрестных деревень на раздачу имущества, были мобилизованы вместе с гужевым транспортом.

В степи за городом, длиной в несколько верст образовался самый настоящий фронт, и шла самая настоящая война. Шла непрерывная артиллерийская и пулеметная стрельба, рвались гранаты. По улицам города ездили тачанки с ранеными, возле позиций расположились палатки Красного креста. Налаживалось тыловое обеспечение. С завода Зельцера на фронт целыми бочками вывозилось пиво. Владелец спиртогонного завода Макеев распорядился об отпуске спирта для военных нужд в неограниченном количестве. К позициям направлялись подводы, доверху наполненные колбасами и булками. Даже местные дамы организовались в комитет помощи и пекли пирожки. В городе началась охота за скрывающимися от воинской повинности. Пойманных строили и под конвоем вели на передовую. Было сооружено две линии окопов. На второй были установлены пулеметы под контролем офицеров с неясными намерениями, вплоть до исполнения обязанностей пресловутых заградотрядов. Впрочем, последнее сообщение сомнительно. Позже большевиков очень раздражал факт того, что городские пролетариат и буржуазия вместе выступили против Маруси, которая в это время все-таки представляла собой силы революции.

Два дня (24 и 25 февраля 1918 г.) бои продолжались с переменным успехом. То анархисты прорывались к городским окраинам, то "гвардию Маруськи" отгоняли

обратно в степь. Утром 25 февраля выяснилось, что больше половины ополченцев за ночь, бросив позиции, ушли в город. На позициях осталась кучка людей и, чтобы не потерять инициативы, она атаковала отчаянно. Потом пришло подкрепление.

26 февраля к Марусе тоже прибыло солидное подкрепление в виде Каменского (ныне Днепродзержинск) красногвардейского отряда численностью до тысячи человек, с легкой батареей и пулеметами. Кто-то накануне послал в Екатеринослав телеграмму, что на рабочих Елисаветграда напала банда, которая рабочих явно одолевает и те просят срочной помощи. Каменский отряд тотчас же выехал на подмогу, ночью 26 февраля прибыв на станцию Знаменка, где стояли несколько Марусиных эшелонов. Вообще-то их звали воевать против Маруси, но анархисты быстро разъяснили им ситуацию, интерпретировав ее таким образом, что в городе засела буржуйская банда, которая бьет рабочих, и они вместе с Марусей теперь пытаются сражаться против нее. Каменцы вроде бы как отказались признать над собой верховенство Маруси, но, выработав с ней совместный план действий, незамедлительно двинулись на фронт. Согласно задуманному плану фронтальная атака наступавших должна была согласоваться с действиями посланными в обход города бронепоездами. В разгар боя они должны были ворваться в город с тыла, подняв в нем волну паники.

На рассвете 26 февраля 1918 г. анархо-красногвардейские части двинулись в решительное наступление. Завязался ожесточенный бой. В самом его начале тяжелые потери понесли каменцы. Наступающие красногвардейцы спросили сидящих в окопах елисаветградцев, кто они такие? Те ответили: "Рабочие". Каменцы смело двинулись к окопам, но были встречены огнем, так как их приняли за анархистов. Юнкера-гайдамаки захватили всю каменскую артиллерию, пулеметы и 65 пленных. Последних отправили в тюрьму, несмотря на их заверения в том, что они жертвы провокации, и даже пообещали расстрелять.

Меж тем городская артиллерия открыла бешеный огонь по цепям наступавших. Огонь корректировали находившиеся в небе аэропланы, помимо этого начавшие бросать бомбы. Большевики пишут, что юнкера стреляли разрывными пулями. Не доходя до окопов практически 100-150 шагов, атака анархистов захлебнулась. После пришлось отходить и каменцам, оказавшимся в полукольце окружения.

Анархисты и большевики отступили чуть дальше, к ст. Знаменка, где получили новое подкрепление в виде отряда левого эсера Муравьева, прославившегося накануне взятием Киева. Временный комитет революции, в свою очередь, принял решение об интеграции в УНР и выслал делегацию к атаману Кульчицкому, двигавшемуся в авангарде немецко-украинских войск с просьбой поспешить на помощь.

Но участь мятежного города была уже предрешена. Отправив все свои силы против Маруси, Штаб не позаботился о надежном тыловом охранении. В тот же день с противоположной стороны города в Елисаветград въехал бронепоезд "Свобода или смерть!" под командой большевика матроса Полупанова, направленного в город из Одессы, по просьбе Беленкевича. Неготовая к подобным событиям городская охрана разбежалась, не вступая в бой. Матросы явились в здание бывшей городской думы, где заседал ВКР, и потребовали освобождения арестованных и пленных красногвардейцев. Комитет вынужден был согласиться. По дороге к тюрьме к полупановцам пристал известный в городе вор Васюта, предложивший освободить и томящихся за решеткой людей Маруси. Матросы совета послушались, в результате

чего на волю были выпущены все уголовники. Когда с позиций на отдых вернулась очередная воинская смена, она обнаружила, что в городе уже фактически хозяйничают большевики. Полупанов уклонился от проведения массовых репрессий, хотя, идя на митинг, и похвалялся "Гробить контру!" На массовом митинге он предоставил имевшие место трехсуточные бои как результат недоразумения. Маруся и Муравьев вступили в город. Было обещано (но так и не выполнено), что Беленкевич будет наказан за свои скоропалительные действия, и продолжавшие волноваться рабочие успокоились. А потом грабеж города продолжился, и не только одними анархистами. Через десять лет каменец Тржасковский перечислял захваченные трофеи: "большое количество обмундирования, съестные и военные припасы.." Три дня боев обошлись Елисаветграду по большевистской статистике в 86 убитых и 147 раненых.

Ненужные союзники

”Нужно сказать правду: большевики хорошие мастера на измышление лжи и на всякие подлости против других”.

Н. Махно ”Под ударами контрреволюции”

Дальнейший след Маруси обнаруживается на юге в марте 1918 г. когда она, высадив из эшелона конный десант, появилась в пределах Южной Таврии. Любившую внешние эффекты Марусю можно было наблюдать верхом на белом коне, в каракулевой кубанке, с папиросой в зубах. Походный строй ее отряда был зрелищем впечатляющим. Кони под одетыми в матросскую или целиком кожаную одежду анархистами были подобраны в масть: ”ряд вороных, ряд гнедых, ряд белых и снова - вороные, гнедые, белые. За всадниками гармонисты на тачанках, крытых коврами и мехами”. Вид подобного благополучия, основанного на постоянных реквизициях, возбуждал негодование, и, скорее всего, откровенную зависть у красногвардейцев, называвших увиденное ”собачьей свадьбой” и, по-видимому, другими, более крепкими выражениями.

Путь Маруси лежал в имение знаменитых таврических магнатов Фальц-Фейнов. По дороге анархисты, согласно сообщениям красных мемуаристов, конечно же, грабили, было бы странным, если бы они этого не делали: ”...два дня рыскали по каланчакским хуторам - все сундуки там перепотрошили, пошарили по всем чердакам, всех девок перемяли, а у которых серьги были золотые - поснимали из ушей...”

Вскоре Маруся достигла еще не разоренного окрестными жителями гигантского имения, расположенного в с. Преображенка, недалеко от Перекопа. Село служило неким стихийным сборным пунктом, куда стекались отступающие с запада красногвардейские отряды.

Анархисты разместились в помещении батрацких казарм, и Маруся приказала поварам ”Фальц-Фейнши” накормить людей. ”Анархисты уже откушали, на столах валялись остатки кур и жареных барашков... После обеда анархисты отдыхали, играя в карты или спали. Маруся, однако, соблюдала осторожность, были выставлены усиленные караулы, особенно у большего амбара, где стояли тачанки. Выпряженные лошади кормились тут же - у своих тачанок и сбруя с них не была снята. Штаб Маруси располагался в одной их комнат дворца, который охранял сильный караул”.

Ситуация обострялась тем, что в этом же ”дворце” размещался штаб красногвардейского отряда Ивана Матвеева, поставившего себе цель объединить и возглавить стекавшиеся в Преображенку отряды.

Маруся соглашалась подчиниться общему командованию, но только через неопределенное время: ”когда подойдут все отряды и выяснится у кого сколько людей”. Пока же единственным делом требующим, по мнению Маруси, координации действий сторон, была организация раздачи населению имущества помещицы. Начать предполагалось с одежды. Подчиненные Маруси уже пересчитали все платья, кофты

и юбки, развешанные по шкафам огромной гардеробной. "Имущество помещиков, - говорила Маруся, - принадлежит не какому-то отряду, а всему народу. Пусть люди берут что хотят".

Задетый за живое таким поворотом дела Матвеев "принципиально" отказался говорить "о тряпках" и рассердившаяся Маруся ушла, хлопнув дверью.

Сразу после этого большевики в штабе сговорились разоружить отряд Никифоровой. Однако это не так просто оказалось сделать. Было решено пойти на хитрость, созвать вечером общий митинг красногвардейских отрядов, рассчитывая, что на него явятся и анархисты. На митинге их надлежало схватить и, по крайней мере, разоружить. Анархисты, предводительствуемые Марусей, действительно пришли, но, как оказалось, не всем своим составом. Весь день население Преображенки пополнялось за счет все новых отступающих отрядов. К началу митинга "вся усадьба была забита людьми, повозками и лошадьми. Многим не нашлось места под крышей, и они расположились под открытым небом - на телегах, бричках и тачанках". Открывшие митинг большевики начали издали, с необходимости объединения и дисциплины, так что Маруся успела сообразить, чем кончится митинг. И когда представитель Херсонского губревкома С. Кириченко заговорил об анархистах, Маруся, почувствовав угрозу, дала знак незаметно покинуть собрание. Так что когда был брошен клич схватить анархистов, оказалось, что те уже успели выкатить тачанки из амбара и в полной боевой готовности бросились наутек. Организованная по их следам погоня не дала никаких результатов. "Вольные птицы степей", а именно так и называли себя анархисты в Преображенке, растаяли в ночной темноте.

Отряд Маруси где-то на линии Геническ-Мелитополь погрузился на эшелоны и двинулся на север. Большевики намеревались организовать оборону Александровска, и Маруся решила помочь отстоять им свой родной город. Остановка Маруси в Мелитополе тоже не прошла гладко. Представители местных органов власти жаловались, что анархисты "терроризировали" их.

Прифронтовой Александровск был переполнен отступающими с Правобережья красными войсками. С тех пор как отряд Маруси покинул город отношения местной федерации анархистов и большевиков резко изменились к худшему. Анархисты вступили в связь со своими недавними противниками, меньшевиками и эсерами, с целью захвата власти в городе. В марте 1918 г. отряд антибольшевистской коалиции социалистов сделал попытку арестовать александровский ревком. При этом погиб секретарь горкома Кравцов и бойцам местного красногвардейского гарнизона пришлось с боем "ликвидировать опасность". Отношения Маруси с александровскими большевиками, однако, не успели, как следует обостриться. 13 апреля на город повели наступление подразделения Украинских Сечевых Стрельцов (УСС), сумевшие захватить железнодорожную станцию. Здесь в складских помещениях был обнаружен труп молодой женщины одетой в кожанку. Пронесся слух, что это и есть знаменитая Маруся. Никифорова действительно принимала участие в бою, но осталась жива. Ночью с 13 на 14 апреля 1918 г. большевики получили подкрепления и утром следующего дня выбили "усусів" из города, заставив их погрузиться на корабль и отплыть прочь. Немцы вошли в Александровск только 18 апреля, когда все "черные" и "красные" гвардии успели откочевать дальше на восток. По сведениям большевика

Ф. Селезнева, Маруся самочинно без разрешения командования оставила позиции около города.

По дороге из Александровска на ст. Волноваха, 16 апреля 1918 г., Маруся на ст. Цареконстантиновка случайно встретила удрученного разыгравшимися событиями Н. Махно. В Гуляй-Поле произошел военный переворот инспирированный организацией УПСР при поддержке местной еврейской общины. Были арестованы члены гуляйпольского ревкома и совета. Маруся предложила план внезапного нападения на Гуляй-Поле и попытки их освобождения. Но для этого желательно было бы найти союзников. Вызванный по телеграфу отряд Полупанова ехать из Мариуполя на выручку отказался. Отказался придти на выручку и прибывший на станцию отряд матроса Степанова. Не смог отказать женщине только командир сибирского красногвардейского отряда Петренко. Было решено вернуться на ст. Пологи и под прикрытием двух оставшихся у Маруси броневиков пойти в наступление на Гуляй-Поле. Планировалось в первую очередь освободить арестованных и попытаться вывезти из села полученное от большевиков оружие. Пока Маруся и Петренко вели военный совет Махно бегал по перрону и "рвал на голове волосы... проклиная себя". За этим занятием его и застало письмо из Гуляй-Поля, сообщавшее что товарищам, благодаря устроенной населением демонстрации, удалось освободиться и скрыться, и что к получению письма немцы, наверное, уже вступят в село.

Махно поспешил к совещающимся командирам. Те, хоть и посмеялись над ним, обозвав "ничего не понимающим в деле стратегии", но спешно развернули свои эшелоны назад на Волноваху, получив известие, что за время их совещания немцы успели занять ст. Пологи. "Если хочешь, - предложила Махно Маруся, - садись в мой вагон... Тут же вполголоса, извинительно, полусмеясь" заявив Махно: "Ты совершенно прав, с наступлением на Гуляй-Поле мы опоздали, все подступы к нему уже заняты..." Но ехать в тыл в компании Маруси Махно отказался, надеясь встретить в Цареконстантиновке какого-нибудь земляка и поподробнее узнать о произошедших дома событиях.

1918 год превратил Таганрог в местопребывание Украинского большевистско-левоэсеровского правительства. Сюда съезжались со всех местностей Восточной Украины бежавшие совработники, сюда прибывали, чтобы узнать места своей передислокации красногвардейские отряды. Здесь большевики решили на более серьезном уровне попытаться избавиться от своих союзников анархистов. Надежды на удержание хотя бы лоскута украинской земли окончательно угасли. Анархисты стали не нужны. Там, где большевики чувствовали силу, они без особых раздумий расправлялись с приверженцами безгосударственного развития общества. Последние с их постоянной агитацией против политики партийной диктатуры и из-за обладания собственными вооруженными силами даже представляли определенную угрозу.

Гонения на анархизм начались со столицы. 12 апреля 1918 г. в Москве был разгромлен "Совет московской федерации анархических групп". Арестовано было до 400 чел. Причем анархистов обвиняли по уголовным, очень обидным для них статьям. Многие анархистские организации были расположены "списать" с началом революции, все сотворенные до нее "против государства" людские прегрешения. Считалось, что после революции жизнь каждого человека как бы начинала новый отсчет. Но такая позиция, с одной стороны, привела к терпимому отношению анар-

хистов к бывшим уголовникам, а с другой вызвала концентрацию возле анархистов различных полу уголовных элементов, компрометировавших безвластников в глазах общественности. Этот момент большевики и решили использовать как повод к ликвидации политического соперника.

По замыслу большевиков, расправа над анархистами должна была иметь неполитический характер. Учитывая сравнительную малочисленность анархических организаций и ограниченность их выхода на широкую общественность, большевики делали ставку на выигрыш в информационной войне. Надо было убедить общество в уголовной деятельности анархистских групп и целесообразности их ликвидации. В своей книге "Гонения на анархизм в Советской России" (Берлин, 1922) анархисты приводят текст секретной телеграммы председателя СНК УССР Х. Раковского, переданный по инстанциям в ноябре 1920 г.: "Вести усиленную слежку за анархистами и приготовить материал по возможности уголовного характера, по которому можно было бы привлечь их к ответственности. Материал и распоряжения держать в секрете. Разослать надлежащее сообщение повсеместно..." Это не было новое изобретение большевиков на ниве компрометации своих политических соперников, это было следование уже давно обкатанному приему, впервые примененному в апреле 1918 г. Анархисты высказывались о недопустимости применения к ним со стороны большевиков принципа круговой поруки, абсурдного с точки зрения юридической науки. Анархо-коммунист и член ВЦИК А. Ю. Ге высказался об этом следующим образом: "...мы знаем о всех безобразиях, которые проявляются в большевистских кругах, и если руководствоваться принципом круговой поруки, вы (т. е. большевики - В. Ч.) должны сегодня же ночью разнести свои организации, и если пользоваться принципом моральной ответственности, то вы можете посадить всех идейных борцов большевизма". Большевики же просто не собирались слушать анархистов, даже не обращали внимания на их заявления. В. Ленин позволял себе высказываться об анархистах как о "презренных пустомелях". Но на Украине анархисты имели довольно внушительные силы и решительно намеревались их использовать, начав борьбу против большевистской диктатуры.

Отряд Маруси должен был с боями сдерживать наступление немцев, отступая вдоль берега Азовского моря через Мариуполь, Новоазовск, Таганрог на Ростов. Но после Новоазовска, как не раз уже бывало, самовольно снялся с фронта и приехал в Таганрог. Махно, как раз в эту пору тоже находившийся в Таганроге, считал, что главной причиной отступления Маруси были общие настроения, торжествовавшие внутри красногвардейских отрядов. Время от времени их бойцов охватывало неодолимое желание получить более или менее продолжительную передышку в глубоком тылу. Несанкционированное появление "Вольной боевой дружины" в Таганроге послужило большевикам поводом для начала действий.

Арестовать Марусю и разоружить ее отряд было поручено красногвардейскому отряду эсера Каскина, который, в общем, с задачей справился. Марусю арестовали в здании ЦИК Украины, на глазах у Махно. Когда Никифорова под конвоем покидала помещение, по дороге ей встретился известный большевик В. Затонский. Маруся спросила, за что ее арестовали, а когда Затонский ответил: "Не знаю за что", обозвала последнего "подлым лицемером".

Акция разоружения отряда сразу же приобрела широкий резонанс. Первыми взбунтовались верные своему командиру "дружинники". Отвергнув исходившее от красногвардейцев предложение переходить в отряд Каскина, бойцы марусинового отряда стали требовать у властей объяснения своих действий и сообщить место содержания Никифоровой. Эти требования поддержала местная группа анархистов, а потом и все съехавшиеся с Украины в Таганрог отряды. К ним присоединился и Таганрогский комитет партии левых эсеров. Антонову-Овсеенко в спешном порядке была послана телеграмма за подписями Никифоровой и Махно с запросом его мнения относительно роли "Вольной боевой дружины" в событиях на Украине и просьбой оказать содействие в освобождении Маруси, вооружении ее отряда и его последующей отправки на фронт. "Дружина" Маруси, по мнению Махно, входила в пятерку самых боеспособных отрядов фронта и была надежда, что комфронта не захочет так просто ее терять.

Антонов-Овсеенко Марусю поддержал, прислав в Таганрог нижеследующую телеграмму: "Отряд анархистки Марии Никифоровой, как и т. Никифорова мне хорошо известны. Вместо того чтоб заниматься разоружением таких революционных боевых единиц, я советовал бы заняться созданием их". Вместе с этой, было получено с фронта еще несколько телеграмм красногвардейских командиров, заступавшихся за Марусю. И, наконец, как силовое подтверждение протеста, в Таганрог прибыл бронепоезд Брянского завода (г. Екатеринослав) под командой анархиста Гарина, лично знавшего предводительницу анархистов.

Главным пунктом обвинения выдвинутого большевиками было разграбление Елисаветграда, как до, так и после вспыхнувшего в городе восстания. Это известие вызвало у анархистов бурю негодования. Во-первых, за грабежи еще никого из революционеров не судили, просто списывая их на превратности чрезвычайного времени. Во-вторых, если грабили, то грабили вместе с большевиками, а судили почему-то одну Марусю. Махно, к примеру, видел причиной конфликта двойственную политику большевистского командования по отношению к анархистам. Формально соблюдая союзнические отношения, большевики старались максимально использовать анархические отряды на фронте ("до издыхания"). Одновременно с этим в тылу начиналась политика их тихой ликвидации и случай Маруси был ее началом.

Последняя провинность Маруси, по мнению большевиков, заключалась в самовольном отступлении ее отряда, но и это обвинение вызывало возмущение у оппозиции, так как с фронта, снова таки, бежали практически все отряды, в том числе и разоруживший "Вольную боевую дружину" отряд Каскина, но судили, опять таки, одну только Никифорову.

"Суд революционной чести" открылся в двадцатых числах апреля 1918 г. Коллегия судей состояла из двух таганрогских левых эсеров, двух местных большевиков и представителя от большевистско-левоэсеровского правительства Украины. Заседания проходили при открытых дверях. Считалось, что суд был полностью независим от центральной власти.

Большевики выставили массу свидетелей из числа беглецов, обвинявших Марусю в уголовных преступлениях, за которые по законам военного времени полагалась смертная казнь. Но вместе с этим, многие из присутствовавших в зале выступили в ее защиту, высказывая сомнения в достоверности свидетельских показаний и

напоминая о революционных заслугах Маруси. А также напоминая о единственном стремлении Маруси и ее отряда получив назад свое оружие двинуться на фронт. Приехавший на бронепоезде Гарин откровенно высказался в том смысле, что суд имеет место только из-за того, что сама Никифорова верит в его революционность и поэтому дает себя судить, будучи уверена в благополучном исходе процесса. "Если бы она в это не верила и предвидела бы, что революционный суд пойдет по стопам правительства и его провокаторов, то я бы об этом знал и заявляю от всей команды... что мы освободили бы ее силою".

Судьи возмутились, заявив, что если Маруся окажется виновной, "она свое получит от тех, кто ее арестовал", но, в конечном счете, победила "партия" Маруси. Обвинение в ограблении Елисаветграда было отклонено за неимением оснований. Маруся была выпущена на свободу, а ее отряд получил назад свое оружие.

Судебное разбирательство только укрепило антибольшевистские взгляды Маруси. Уже на следующий день Маруся и Махно (действовавший под псевдонимом "Скромный") выпустили листовку за подписью "Союз анархистов", обвинявшую большевиков в фальсификации дела и "лицемерно подлом отношении к самой Революции". За то время, пока отряд Маруси заново занимался своим формированием, Маруся и Махно при поддержке левых эсеров устроили от имени таганрогской федерации анархистов в местном театре "Аполло" и на городских заводах ряд митингов по теме: "Защита революции на фронте против... немецко-австрийских армий..., и в тылу - против реакции власти, которая сильна в тылу и беспомощна на фронте".

После этого Махно и Никифорова расстались надолго. Махно провел в Таганроге конференцию гуляйпольцев, где было решено к июлю 1918 г. возвратиться домой, и начать восстание. Много гуляйпольских анархистов вступило в отряд Никифоровой, который писатель А. Веселый в это время назвал "шайкой головорезов", и выехали на фронт. Сам Махно двинулся к Поволжью, чтобы затем через Саратов и Москву попробовать пробраться на Украину. По степени своей известности в 1917 - первой половине 1918 г. Никифорова бесспорно превосходила будущего Батька. Антонов-Овсеенко первый выдвинул этот тезис, и он был прав. Но, как показали дальнейшие события, Махно вел более обдуманную политику, преследуя целью укрепиться в районе, овладеть им идейно, проконтролировать его территорию с помощью подпольных и легальных организаций. Только опершись на эту базу, он выходил на политическую арену и имел успех. А отряд Маруси так и остался кочующей по степям и железным дорогам, не имеющей ни социальной, ни экономической опоры террористической организацией, рассчитывающей только на силу своего внешнего эффекта и устрашение насильем. Эта особенность давала возможность в короткий срок ликвидировать его малой кровью, в то время как на подавление большевиками махновского движения ушли годы "красного террора" и потребовалось огромное количество войск.

Но когда Махно начал осенью 1918 г. активную партизанскую борьбу с оккупационными войсками и администрацией гетмана Скоропадского, газета "Киевская мысль" характеризовала его не иначе как "сподвижника Маруси Никифоровой". В дальнейшем все стало с точностью до наоборот. "Александровский телеграф" в октябре 1919 г. называл Марусю "сподвижницей Батьки".

Попытка организовать оборону Таганрога позорно провалилась. Большевики и анархисты снова ударились в отступление, теперь уже в Ростов-на-Дону. Здесь, а также в соседнем Новочеркасске скопились десятки анархистских отрядов со всей Украины. Среди них выделялись своей активностью отряды А. Барона, Васильева и, конечно же, Маруси. Большевики, смотревшие сквозь пальцы на бесчинства собственных отрядов, всякий раз не забывали призвать анархистов к ответу. Последних было постановлено разоружить всех до одного. Но дальше вынесенного постановления дело не пошло. Силы "черногвардейцев" оказались столь значительны, что от выполнения постановления на местах пришлось сразу же отказаться.

Уже ставший привычным сбор контрибуции с буржуазии проходил в Ростове под лозунгом "Срывай замки!" и имел своими постоянными атрибутами грабежи, обыски и аресты. Конфискованное добро свозили в Новочеркасск, который предлагалось превратить в анархический город. Чрезвычайному комиссару Южного района С. Орджоникидзе от имени анархистов была прислана открытка, любезно напоминавшая "что дух разрушающий есть дух созидающий". Анархист Петренко, тот, что брался помочь Махно и Марусе отбить Гуляй-Поле, угнал стоявший в Батайске эшелон с золотом, стоимостью в сотни тысяч рублей.

О ростовских анархистах весны 1918 г. оставил воспоминания "белый" контрразведчик Н. Сигида: "Ростовская анархическая федерация на три четверти своего состава, если не больше, состояла из офицерства, чуждого всякой партии, а тем более федерации анархистов. Но это давало возможность не только жить, но еще и иметь оружие, бомбы, устраивать демонстрации против большевиков и вообще чувствовать себя непринужденно. Не помню хорошо, но, кажется даже были брошены бомбы. В общем, у правителей Дона (имеются в виду большевики - Б. Ч.) создалось паническое настроение". Паническое настроение создалось, увы, не только у деятелей коммунистической власти. Произвол анархистских отрядов, даже, несмотря на участие в их рядах русского офицерства, привел население города в отчаяние. Заключительным аккордом анархического постоа в городе стали мероприятия по уничтожению "капитала", проведенные накануне сдачи города немцам. Различные акции, облигации и другие ценные бумаги были свалены анархистами на одной из городских площадей в большую кучу и торжественно сожжены. Город был разграблен стоявшими в нем войсками. Даже Нестор Махно, человек, вообще-то привыкший к сценам разграбления городов, спустя пятнадцать лет в своих мемуарах называл картину отступления революционных войск "поистине кошмарной", отмечая, что "грабежи росли с необыкновенной быстротой и в чудовищном масштабе".

Не затерялись в этой суете и марусины "братишки". Некто А. Ронис-Кантовский рисует следующую картину с их участием: "Испанцы в длинных волосьях и черных пелеринах... Из-за поясов торчат дула больших кольтов, в карманах бомбы. К этим налетным друзьям присоединились братишки в клешах с золотыми дамскими браслетами на руках, сжимавших чудодейственную "бутылочку"... - Братишки, сторонись! Клеш в цилиндре тащит за собой "максимку" на угол Таганрогского8.

Наша взяла! - Оцепили? - Готово! - та - та - та - та... По Донскому областному исполкому! - Готово! - Крой их б...!" и т. д.

Но наконец-то, вскоре после Новочеркасска, немцы остановились и отступавшие через всю Украину отряды получили возможность переформироваться в Поволжье.

Здесь наконец-то большевики смогли воспользоваться создавшимся вооруженным перевесом и разоружить большинство анархистских отрядов. Но среди них не было отряда Маруси. Предугадав подобное развитие событий, она не стала отступать в Поволжье. Сначала "женский карательный отряд каторжанки Маруси" появился в Ессентуках, а после повернул на Север. Маруся рискнула отступить по железнодорожной ветке Лиски-Воронеж, находившейся под частичным контролем бело-казацких партизанских отрядов и удачно пробралась к Воронежу, где формировался новый фронт.

Вскоре расположившуюся в Воронеже Марусю встретил большевик М. Рошаль: "По улице с бешеной скоростью мчится экипаж. Небрежно развалясь, сидит в нем молодая брюнетка в заливхватски надетой набекрень кубанке, рядом, повиснув на подножке, плечистый парень в красных гусарских рейтузах. Брюнетка и ее телохранитель увешаны оружием. Чего здесь только нет! Сабли, маузер в деревянной кобуре, гранаты..."

Дальнейший курс отряда Никифоровой через отсутствие достоверных сообщений можно определить только приблизительно. Ее отряд заметался по всей Украине и России. Тот же Рошаль говорит об учиненных Марусей "разбоях" на ст. Графская и в Брянске. Потом в декабре 1918 г. Маруся внезапно оказывается на Украине, где вместе с войсками Директории УНР вступает в Одессу и разрушает местную тюрьму. Состоявшийся в Москве в конце декабря 1918 г. Первый Всероссийский съезд анархо-коммунистов, на котором присутствовало и два представителя "от Украины" похоже, послужил причиной нового появления Маруси в пределах России. В январе 1919 г. Маруся оказалась уже в Саратове, где большевикам наконец-то удалось арестовать ее по решению Саратовского совета и препроводить в Москву. Здесь Никифорова была заключена в знаменитую Бутырскую тюрьму.

Большевики решили судить Марусю повторно и теперь уже не каким-то коалиционным судом "революционной чести", а с передачей дел Московскому революционному трибуналу (обвинитель Катаньян Р. П., защитник М. Г. Гурьева), заседания которого состоялись 21 и 23 января 1919 г. Судили все за те же, старые, "украинские дела", для чего по поручению украинского большевистского правительства была организована комиссия по разбору дела Никифоровой, возглавляемая членом ЦК КП/б/У Ю. Пятаковым. Последний представил деятельность марусинового отряда в таком свете, будто он "дезорганизовал оборону против немцев и белогвардейцев", а сама Маруся, выступая "под маской защитника пролетариата занималась грабежами и является попросту бандиткой, действующей под флагом Советской власти".

25 января 1919 г. газета "Правда" сообщила о решении трибунала. Марусю признали виновной в дискредитации советской власти, в неподчинении местным советам в сфере военных действий. Обвинения в организации незаконных грабежей и в проведении незаконных реквизиций трибунал доказать не смог и поэтому они были отменены. Маруся была приговорена к весьма своеобразному наказанию - лишению права занимать ответственные посты в течение шести месяцев со дня вынесения приговора, и передавалась на поруки ставшему членом ЦИК А. Карелину и В. Антонову-Овсенко.

Многим казалось, что Марусе опять удалось выбраться сухой из воды, отделавшись административным наказанием, но человеку ее энергичности и полугодовая

отставка была мучительной. Впрочем, Маруся почти сразу попыталась найти выход из положения. В пределах охваченной революцией территории все более четко вырисовывалась перспектива существования района, где приговором трибунала можно было, по мнению Никифоровой, пренебречь. Повстанческие отряды Батька Нестора Махно на февраль 1919 г. отвоевали у белых и петлюровцев значительную территорию. И Маруся устремилась на юг.

”У батька нашего Махна...”

”Вставайте же хлопы на зов Паташона!...”

А кто там лежит под могилой зеленой, Махновец, геройский покрытый попоной...”
Из махновской песни

М. Никифорова вернулась на Украину в феврале 1919 г. На это время Н. Махно уже успел заключить военное соглашение с большевиками и 12 февраля 1919 г. созвал в Гуляй-Поле II районный съезд Советов, который должен был определить дальнейший курс махновской политики. Н. Махно стал лидером мощного крестьянского движения, обладающего собственными вооруженными силами, контролирующими обширный и внутренне независимый ”вольный район”. Маруся же приехала к нему в поисках защиты, растеряв преданных ей людей, подвергнувшись унижительной для нее процедуре суда и следствия.

Возвращение Маруси и ее бьющие через край амбиции Н. Махно встретил крайне прохладно. Естественно, он не мог отказать ей в политическом убежище, но он также отдавал себе отчет в том, что Маруся с самого начала будет стремиться к достижению политической конфронтации между махновцами и большевиками. Это в свою очередь не входило в ближайшие планы Н. Махно. В начале 1919 г. лидеры махновского движения допускали подобное развитие событий только в крайнем случае, питая надежды на достижение компромисса с украинскими большевиками и разграничение с ними, в конце концов, сфер влияния на Украине. Так что, скорее всего, свою линию поведения по отношению к Марусе Н. Махно определил заранее.

То, что Маруся перешла на работу в махновское движение, было для нее во многом вынужденным шагом. Вообще-то М. Никифорова высоко отзывалась о махновцах и весной 1919 г. даже утверждала в разговоре с К. Ворошиловым, что ”о них можно рассказывать легенды”, но все-таки она предпочитала действовать самостоятельно. Однако Н. Махно отказал ей в финансовой помощи для создания собственной организации. Достать же деньги в другом месте Маруся явно была не в состоянии. В случае возобновления экспроприации на советской территории большевики угрожали скорым судом, да и без этого не спускали с нее глаз. В это же время Н. Махно остро нуждался в пропагандистах профессионалах, однако, заметим, лояльных по отношению к его политике.

Выступление М. Никифоровой на II съезде советов Гуляйпольского района было одним из первых. Маруся начала свою речь с резкой критики большевистской диктатуры в России, где начались массовые гонения на анархистов, но была встречена безразличием. ”Конечно, - вспоминал позже махновец А. Чубенко - это крестьянам было непонятно, и многие из них протестовали, говоря, что они ждали чего-нибудь умного, а она им рассказывает сказку про белого бычка”. Находящийся в зале Н. Махно поддержал крестьянских депутатов. ”Если Марусю судили коммунисты, то, очевидно, она заслужила этого. Наше дело воевать и бить белых, а не разбираться

кто прав, а кто виноват” - сказал Батько и согнал, в буквальном смысле слова, с трибуны свою старую соратницу. Этим он сразу дал понять ей об изменениях в их отношениях. Кстати заметим, что и впредь, в целях обуздания неистовой натуры анархистки, Н. Махно не станет отказываться от использования методов насильственного воздействия. Махно конечно нельзя назвать интеллигентным человеком, но с другой стороны он лучше других знал, на что способна М. Никифорова при наличии свободы действий.

Следующим шагом Махно в ограничении амбиций Маруси стало выполнение им условий приговора большевистского суда. Это был прекрасный повод для удержания М. Никифоровой на расстоянии от военной сферы. Не обращая внимания на постоянные обвинения со стороны Маруси в ”пораженчестве”, Махно приказал не допускать Никифорову к руководству боевыми отрядами и вообще не пускать в помещение ”штаба Батька Махна”. Чтобы дать выход марусиной жажде деятельности, ей были поручены так называемые ”дела милосердия” Гуляйпольского района, выражаясь конкретнее, руководство госпиталями и образовательными учреждениями. Исполняя эти несвойственные ее натуре поручения на протяжении более двух месяцев Маруся интегрировалась в махновское движение.

Со временем большевистское руководство начало беспокоиться, чем занимается в Гуляй-Поле вырвавшаяся из-под контроля Маруся. Поводы для беспокойства, конечно же, были. В апреле 1919 г. большевистская агентура в Гуляй-Поле докладывала в Киев о поездках Маруси в Александровск. Сотрудниками Особого отдела были немедленно арестованы анархисты Белогрудов, Алейников и др., у которых останавливались Никифорова. В результате обыска у них якобы нашлась фальшивая печать 3-й Заднепровской бригады, как теперь официально назывались вооруженные силы махновского движения.

Вторая половина весны 1919 г. была звездным часом для федерации анархистов Александровска, пользовавшейся откровенным покровительством Махно. Последний не жалел денег для городских анархистов, стараясь с их помощью включить города в орбиту своего движения, которое стихийно приобрело исключительно крестьянский характер. Эту односторонность его развития Н. Махно надеялся разрушить с помощью федераций городских анархистов. Без помощи М. Никифоровой, конечно же, не обошлось. Никогда ни до, ни после этого численность александровской федерации не достигала 300 чел. Среди учащихся реального училища даже возник ее молодежный филиал, состоящий в основном из представителей еврейской молодежи. Присланный большевиками начальник уездного особого отдела (”начпункта N 4”) жаловался вверх по инстанции на распространение в городе анархистской пропаганды и засилье анархистов в советских учреждениях города, которые саботировали начинания советской власти и конкретно его чекистов.

Одновременно с этим политические комиссары большевиков, работающие среди махновцев, докладывали о вызывающем поведении М. Никифоровой по отношению к ним. Маруся подозревала в них, и не без основания, не столько помощников, сколько людей исполняющих обязанности согладатаев, и с ”револьвером в руке” требовала предоставления ей на проверку всей исходящей от них корреспонденции. 28 апреля 1919 г. в Гуляй-Поле прибыл с визитом командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеенко. Он должен был решить на месте принципы теку-

шей политики партии относительно махновского движения: приступать ли к его вооруженной ликвидации или, убедившись в его лояльности, отсрочить этот момент, постаравшись максимально использовать махновцев на фронте. Увязший в тяжелых боях в Донбассе Махно естественно стремился склонить Антонова-Овсеенко ко второму варианту. Одним из частных заданий, порученных комфронта вышестоящими инстанциями, было определение роли Маруси в махновском движении. Чтобы успокоить Антонова-Овсеенко, ему были предложены результаты мирной деятельности М. Никифоровой. В одном только Гуляй-Поле было организовано десять госпиталей, вмещавших в себя до тысячи повстанцев, но не имеющих, к сожалению, в штате ни одного опытного врача. Под патронатом Маруси также имелись три средних школы ("образцово поставленных" по утверждению махновцев), а также несколько "деткомунн", как анархисты предпочитали называть детские сады и ясли.

Впрочем, одновременно с этим, Маруся вела постоянную пропагандистскую работу, много и с неизменным успехом выступала на митингах. От убеждений своих Маруся отказываться не собиралась, но на некоторое время, Н. Махно смог убедить ее сделать вид, что она стала приверженцем его идеи "единого революционного фронта" - коалиции социалистических партий против сил контрреволюции. 28 апреля 1919 г. на "громадном", по оценке В. Антонова-Овсеенка, митинге в Гуляй-Поле М. Никифорова и Н. Махно горой стояли за "единый фронт" и смогли убедить начальство в своей лояльности.

Вместе с тем эти события стали последней каплей переполнившей чашу терпения Никифоровой которая решила прекратить сделку со своими истинными убеждениями. Следом за Антоновым-Овсеенком в Гуляй-Поле прибыло представительство от харьковской конфедерации анархистов "Набат", члены которого быстро нашли общий язык с Марусей и на торжественном праздновании дня 1 мая в Гуляй-Поле решили совместными силами дать бой махновскому оппортунизму.

Большевики, не отваживаясь пока вступать в конфликт с махновцами приступили к открытому подавлению анархических организаций в городах Украины. Постановлениями местной власти анархистам запрещалось проведение лекций и митингов, их типографии конфисковывались, чекисты использовали любой предлог для их ареста. К примеру, несколько александровских анархистов было арестовано по обвинению в том, что в 1918 г. у них останавливалась М. Никифорова, хотя пока что она и не считалась официально врагом советской власти.

"Набатовцы" решили начать антибольшевистскую деятельность. Критика политики большевиков велась с двух сторон. Во-первых, анархисты считали, что в форме РКП/б/ появилось еще одно "господское сословие" стремящееся монополизировать в своих руках государственный механизм и подчинить себе, с его помощью, волю остального народа. Анархисты помнили предсказания М. Бакунина о том, что государственный социализм неизбежно выродится в социальный строй с невиданным доселе отсутствием свободы и уровнем эксплуатации, когда вместо конкретного капиталиста на шею трудящихся

всей своей мощью навалится государство. Кроме этого критика анархистами большевиков велась с еще более левых позиций. Анархисты протестовали против попыток большевиков установить мирные отношения с иностранными государствами. Анархисты видели в этом попытку запретить революцию в границах одной

страны, пойти на перемирие с буржуазией. Вместо этого анархисты призывали вести революционную войну до полной победы в мировом масштабе.

Н. Махно весьма осторожно относился к идее мировой революции, а вот в отношении к большевикам как к узурпаторам власти был вполне согласен. Но необходимость предотвращения войны на два фронта, против "комиссаров" и против "кадетов" была для него важнее, и он был начеку. Едва услышав, что Маруся в своей речи на митинге стала отзываться о большевиках, как о "изменниках революции, продавшихся немецким генералам", Н. Махно незамедлительно набросился на нее и силой стащил с трибуны. Здесь же, в присутствии огромного стечения народа он стал ругать ее за распространение подобных взглядов. Когда же в защиту Маруси выступили присутствовавшие на митинге "набатовцы", Н. Махно высказался о них как о шкурниках, которые перед этим выманили у него 80000 рублей и прокутили их в городах. "И когда я ему пробовал возразить, - вспоминал позже "набатовец" И. Тепер, - то он меня чуть не убил".

Надо признать, что после столь резкой цензуры марусиных взглядов со стороны Н. Махно, она снова вняла его аргументам или, по крайней мере, снова сделала вид, что это именно так.

7 мая 1919 г. в Гуляй-Поле прибыла с визитом делегация чрезвычайного уполномоченного Совета Труда и Оборона РСФСР Л. Каменева, имеющая, в сущности, то же, что и миссия Антонова-Овсенка, задание. Надо было определить на месте степень лояльности махновцев к большевикам и если она будет достаточно надежна, добиться разрешения на проникновение на территорию махновского района продовольственных органов коммунистической власти.

Н. Махно снова надо было устраивать показательный прием. М. Никифоровой, как, безусловно, самому известному представителю махновского движения во внешнем мире было поручено возглавить почетную делегацию по встрече высокого гостя. По воспоминаниям секретаря Каменева приветственная речь М. Никифоровой имела вид "верноподданнических излияний". На протяжении всего визита она вела себя крайне сдержанно. И не зря. Н. Махно удалось расположить к себе партийного функционера. Уезжая Л. Каменев "горячо распрощался с махновцами, высказал благодарность и великие пожелания, расцеловался с Махно, уверяя, что с махновцами, как с подлинными революционерами у большевиков всегда найдется общий язык". Для Маруси же итогом визита стала отмена приговора суда. Воспользовавшись благодушным настроением видного партийца она сама намекнула об этом, а "приближенные Махно шепнули Каменеву, что Марусю в штаб Махно не пускают".

Перед отъездом Л. Каменев послал в Москву следующую телеграмму: "ВЦИК. Серебрякову. Предлагаю за боевые заслуги сократить наполовину приговор Маруси Никифоровой осужденной на полгода лишения права занимать ответственные должности. Решение телеграфируйте в Гуляй-Поле, Никифоровой и мне".

Судя из того, что в мае 1919 г. М. Никифорова отправилась из Гуляй-Поля в Бердянск и приступила к формированию собственного полка, из Москвы пришел положительный ответ. Свое месячное пребывание в Приазовье Маруся постаралась использовать предельно. Здесь окончательно оформились контуры ее новой анархотеррористической организации. Сколачивая вокруг себя группу единомышленников Маруся работала не в среде махновцев, а в среде анархистов примкнувших к махнов-

цам. Основу ее организации составляли анархисты из отрядов харьковской конфедерации "Набат" (Шубы и Чередняка), пришедшим на помощь Н. Махно весной 1919 г., а также сотрудники созданной в махновских войсках с апреля 1919 г. контрразведки. Большинство контрразведчиков в мае 1919 г. было сосредоточено в приазовских портах, где занималось "выкачкой средств" из местной буржуазии. Здесь и были установлены непосредственные контакты с ними Маруси и ее двух неожиданно, и в первую очередь для Маруси, появившихся в Украине помощников, приехавшего к ней мужа - Витольда Бжостека, а также его в значительной мере таинственного для историков товарища, известного под именем Казимира Ковалевича. Совместное их дело было настолько законспирировано, что о новой организации не знал даже Н. Махно. Появление у Маруси в июне 1919 г. нового отряда в 60 человек оказалось для него полной неожиданностью.

Следует сказать, что Витольд Бжостек приехал в столицу махновского движения вовсе не в поисках любимой супруги продолжавшей числиться как Мария Бжостек. Он не хотел ехать в Гуляй-Поле, но неумолимая судьба не дала ему шанса избежать своей участи.

Бжостек, как уже отмечалось был поляк по национальности, но, в конце концов, он тоже решил связать свою судьбу с русской революцией. В начале 1919 г. он объявляется в Москве и знакомится тут с человеком, который выдавал себя за железнодорожного рабочего Ковалевича, хотя не исключается и возможность того, что это была его настоящая фамилия. К. Ковалевич посвящает его в свои планы и зажигает идеей создания организации "анархистов подполья" под самоназванием "Всероссийский штаб революционных партизан". Организаторы "штаба" ставили своей целью с помощью динамита покончить с диктатурой большевиков над народом. Выпустив свою первую листовку организация, однако, сразу же столкнулась с трудностями как финансовыми, так и связанными с отсутствием опытных боевиков для проведения экспроприации.

В. Бжостек вызвался съездить в Харьков, в поисках, как первого, так и второго. Где-то в Харькове жил его знакомый анархо-террорист, или как еще говорили "анархо-чернорабочий" Марк Соболев. В апреле 1919 г. Бжостек появляется в столице советской Украины, где в анархических кругах объявляет о своем намерении набрать людей для проведения экспроприации некоего учреждения в Москве на 40000000 рублей. Ни денег, ни террористов Бжостек в Харькове не нашел, но там ему подсказали что это можно добыть у Батьки Махно, куда отправилось много анархистов в том числе и М. Соболев. Последний как, оказалось, решил стать агентом махновской контрразведки. Скрепя сердцем Бжостек поехал дальше на юг, встретил в Гуляй-Поле свою жену и почему-то остался там, не подавая знать своим московским товарищам, где он и чем занимается.

Через два месяца у Ковалевича лопнуло терпение, и он отправился в поиски по следам Бжостека. В Харькове он остановился и сагитировал на свою сторону группу латышей анархистов, а потом двинулся в Гуляй-Поле, где после встречи с Н. Махно был откомандирован в штат Мариупольской контрразведки с целью ее "укрепления".

7 июня 1919 г. в Гуляй-Поле из Харькова прибыла очередная большевистская делегация во главе с К. Ворошиловым и В. Межлауком. Делегация эта имела несколько своеобразное задание: скоординировать действия красных и махновских частей

против наступающего врага, а потом, улучив момент схватить и расстрелять своего союзника - комдива Батька Махно, на что имелся соответствующий приказ председателя РВС РСФСР Л. Троцкого.

Маруся снова исполняла обязанности по встрече делегации. Возвращение к военным занятиям сразу отразилось на ее внешности. Ответственный за охрану делегации А. Селявкин вспоминал об этом следующее: "В черном английском френче, бриджах, в ботинках с железными крагами и увесистым маузером на боку, Никифорова имела бравый вид... На приветствие В. Межлаука: "Здравствуйте, товарищи повстанцы!" - махновцы далеко не дружно, охрипшими голосами ответили "Здорово!" Никифорова предложила следовать в штаб Махно на автомашине, но делегаты отказались, попросив простую тачанку..."

Несколько дней работал в Гуляй-Поле совместный штаб 14-й армии К. Ворошилова и 1-й Украинской повстанческой дивизии Н. Махно, но Батько не дал заманить себя в железные стены бронепоезда, где на него ждала устроенная чекистами ловушка. Почувствовав неладное он уехал на фронт, где внезапно подал заявление об отставке, стараясь с помощью этого маневра отвлечь большевиков от эскалации проводимой ими антимахновской компании и уберечь свой район от возможного нападения красных с тыла. Но большевики жаждали не столько ликвидации Н. Махно лично, столько политической смерти его движения. Вместо Батька были схвачены и 17 июня 1919 г. расстреляны многие работники махновского штаба. Н. Махно был поражен вероломством коммунистов и, будучи от природы мстительным человеком решил отомстить по настоящему. Возможность проделать это представилась весьма скоро.

М. Никифорова прекрасно понимала, что после отставки Н. Махно о никакой интеграции в большевистскую Советскую власть ей не приходится даже мечтать. От взглядов своих Маруся не отказывалась, и большевики продолжали считать ее своим стопроцентным потенциальным врагом. Очередное обострение ее отношений с большевиками произошло, после того как в конце мая 1919 г. на митинге в бердянском городском саду, в присутствии агитаторов большевиков она откровенно призвала махновцев к борьбе с комиссарами. Содержание этой речи дошло до нас в пересказе большевика М. Киселева: "Товарищи, вас зовут к борьбе за равенство. Комиссары сидят в кабинетах "без доклада не входит", а говорят о равенстве. Равенство только у Махно, только у нас. Нам не по пути с комиссарами. Как молния сверкает в небе (по-видимому "только в небе" - Б. Ч.), так и равенство расцветает только при анархии! Я зову всех против белых и против комиссаров! Повстанцы, комиссаров нужно бить!" Сразу же после этого, в Токмаке, агитпоездом 2-й Украинской армии, тиражом в несколько тысяч экземпляров, была издана направленная против М. Никифоровой листовка. На рисунке были изображены идущее в бой красноармейцы и "банда" Маруси убегающая с фронта в обрамлении стихов соответствующего содержания.

В начале июня 1919 г. в Гуляйпольский район из Киева был послан разведчик А. Куц. Одним из порученных ему заданий был сбор данных о местонахождении Маруси и ее планах деятельности после отставки Н. Махно. 18 июня 1919 г. разведчик сделал доклад перед Советом рабоче-крестьянской обороны УССР. Заметим, что раздобытые А. Куцом сведения не соответствовали действительности. Разведчик говорил о том, что Маруся располагает совместно с Н. Махно хорошо вооруженным

отрядом в 500 чел. Кочуя по Приазовью они якобы вербуют к себе добровольцев и призывают к антибольшевистскому восстанию.

В действительности М. Никифорова не собиралась разделять свою дальнейшую политическую карьеру с Н. Махно, У последнего были свои далеко отличающиеся от марусиных задачи. М. Никифорова стояла за упорную беспощадную борьбу с государственной диктатурой, и чем сильнее были ее проявления над народом, тем решительней и беспощадней должна быть эта борьба. Маруся решила воевать на два фронта, руша государственность и мстя за погибших товарищей. Люди в ее организации были подобраны соответствующих взглядов, очарованные фанатизмом и перспективой ведения неравной борьбы, когда собственная жизнь становилась дешевле идеи. Выпущенная ими несколько позже листовка "Правда о махновщине" (тираж 10 000 экз.) возвещала: "Пусть знают подлые убийцы... что рука мстителя висит над ними. За одного расстрелянного анархиста-повстанца будут убиваться десятки красных палачей. Палачи применяющие террор, от террора и погибнут". Листовка "Где выход?" (тираж 15 000 экз.) дополняла палитру политических взглядов анархо-террористов: "Дрожите тираны... Боевые братья анархисты, слушайте: "Сарынь на кичку! За вольницу, за анархическую вольницу положим голову!.. Пусть живет вольница!.. Прочь смертную казнь!.."

Узнав об отставке Н. Махно Маруся с имевшимися под рукой людьми поспешила на ст. Большой Токмак, где пребывала в данный момент махновская казна, с намерением захватив ее, использовать средства для финансирования группы. Однако как раз в этот момент в Токмак прибыл и Н. Махно. Отказавшись от командования дивизией он собрал вокруг себя отряд лично преданных ему гуляйпольцев и начал на митингах призывать крестьян поддержать его в начатой войне против большевиков. Маруся провела вместе с Н. Махно совместный митинг, на котором призвала добровольцев вступать в отряд Батька, а после улучив момент, когда Н. Махно ненадолго отправился на приближающийся к Токмаку фронт направилась за деньгами.

Армейский казначей махновцев А. Чубенко оставил весьма любопытные воспоминания об этом эпизоде: "Когда Махно был на фронте, на станцию... прибыла вооруженная до зубов Маруся Никифорова и спросила: Сколько у тебя в кассе денег? - Три миллиона. - Я должна получить эти деньги для организации подпольной организации анархистов в Москве. - Прибудет Махно тогда и дам. Без него никак нельзя... Маруся ответила, что с ней тридцать всадников, и она не будет со мной считаться. Когда она вышла из вагона и пошла звать свой отряд, я побежал к дежурному по вокзалу и приказал, чтобы через 15 минут мой вагон с паровозом отправили на станцию Федоровка". Чубенко удалось увести деньги из-под носа М. Никифоровой как раз вовремя. В Федоровке его разыскал Махно. Перепоручая большевикам свои войска он, однако, не собирался отдавать им армейские деньги. И не только большевикам, но и анархистам, которые по его же выражению "доили (Н. Махно - Б. Ч.) со всех сторон". Предоставим слово обратно А. Чубенко: "Махно начал меня ругать, почему выехал из Токмака? Я объяснил. - Никифорову надо расстрелять, заявил Махно. В этот момент в вагон зашла Маруся и снова начала настаивать, чтобы Махно отдал ей три миллиона. Махно начал крыть ее по матерному и выхватив револьвер хотел ее застрелить, однако и Маруся была наготове с оружием в руках. Долго они ругались. Потом Маруся начала просить: "Дай денег хоть на дорогу!"... Махно схватил пачку

валюты и выбросил ее из вагона к людям Маруси, окружавшим вагон, крикнув: "Возьмите и чтобы я вас больше не видел! Ничего не делаете для революции дармоеды, а кормить вас надо!"

На этом А. Чубенко заканчивает свой рассказ, но вряд ли дело закончилось выброшенной в окно суммой. По сведениям В. Белаша, в будущем начальника махновского штаба, сумма переданной Марусе наличности составляла 250 000 рублей. Причем пылающий жаждой мести Н. Махно был предельно заинтересован в деятельности террористов М. Никифоровой.

Здесь же, на ст. Федоровка отряд Маруси разделив доставшиеся на дорогу деньги сам разделился на три группы, разъехавшиеся в разные стороны, согласно поставленным перед ними заданиям. Первые 20 человек во главе с М. Никифоровой, собирались пробраться через Крым в Ростов, где планировалось взорвать ставку генерала Деникина. Вторая группа, в 25 человек во главе с К. Ковалевичем и М. Соболевым уехали в Харьков, чтобы попытаться отбить у чекистов арестованных махновцев, относительно судьбы которых четкие сведения пока что отсутствовали. В случае смерти арестованных, планировался взрыв Чрезвычайного трибунала судившего махновский штаб и убийство известного на всю Украину чекиста Саенка, коменданта харьковской тюрьмы и садиста. Третья группа, во главе с организатором махновской контрразведки Черняком и неким Громовым, собиралась в путешествие по Сибири, для организации покушения, опять таки с помощью динамита, на жизнь адмирала Колчака.

Планам М. Никифоровой одним ударом расправиться с окружающей контрреволюцией не суждено было сбыться, несмотря на большие затраченные усилия. Группе Черняка удалось перевалить через Урал, но ставка Колчака оказалась для них недосягаемой. Анархисты ограничились лишь участием в партизанском движении в Сибири.

Эпопея группы анархистов под предводительством человека, называющем себя Казимиром Ковалевичем достойна более серьезного внимания. Анархисты приехали в Харьков слишком поздно, пленные махновцы уже были расстреляны, а ЧК успела эвакуироваться из прифронтового города. Поначалу анархисты решили устроить террор украинским большевикам причастным к расстрелу, но потом решили "что все зло в Москве" и отправились в российскую столицу. К. Ковалевич был отчасти доволен, людей было вдоволь, но опять таки денег считай не было. Сумма выданная Н. Махно явно не шла ни в какое сравнение с 40 миллионами нужными для дела. В. Бжостек перепоручив людей К. Ковалевичу вызвался вернуться к М. Никифоровой и какими-то путями денег раздобыть. Нагнал он Марусю, похоже, в Крыму. Вместе с ней он и погиб. Обосновавшись в Москве и на одной из пригородных дач в поселке Кусково анархисты Ковалевича начали подготовку к акции обозначенной как "взрыв октябрьских торжеств" и провели ряд удачных экспроприации банков и касс, как в столице, так и в Подмосковье.

К. Ковалевич, если это не один из псевдонимов анархиста, был талантом террора, факт чего признавал, например председатель ВУЧК М. Лацис. Бывший железнодорожный рабочий К. Ковалевич приехал в Гуляй-Поле в поисках В. Бжостека, который в свою очередь выехал туда в поисках своей жены. Главной целью К. Ковалевича стало проведение террористического акта против Совета Народных комиссаров,

посредством взрыва Кремля. Для минирования его канализационной системы анархистами было закуплено 60 пудов динамита. Спустя пять лет после описываемых событий, М. Лацис говорил о К. Ковалевиче, что именно Н. Махно поручил ему уничтожить большевистских лидеров. "Энергия и конспиративные способности этого человека достойны удивления. Он распоряжался в Кремле, как у себя дома. Ни до него, ни после него, настолько мне известно, ничего подобного никому не удавалось". Никогда еще смерть не подбиралась так близко к лидерам советской России, в эти дни им грозила очень серьезная опасность.

Однако анархисты решили начать террор с взрыва заседания Московского комитета РКП/б/ 25 сентября 1919 г., на котором должны были присутствовать главные большевистские руководители, вплоть до В. Ленина и Л. Троцкого. Должны были, но не явились. Террористический акт был организован за несколько часов - случай небывалый в истории террора. В результате взрыва погибло 12 человек, в основном рядовые коммунисты, множество людей было ранено. Пустившиеся по следу чекисты арестовали на всякий случай несколько "легальных" анархистов и через найденные у них документы смогли выйти на след анархо-террористов. Ковалевич и "анархисты подполья" своеобразно выражали свою, собственно говоря, формальную, подчиненность Марусе. На ее имя они снимали конспиративную квартиру на Арбате. Квартира эта оказалась для Ковалевича роковой, здесь он попал в засаду и погиб в последующей перестрелке.

М. Соболев вскоре тоже был убит в перестрелке при попытке задержания. Вскоре было обнаружено и пристанище остальных членов группы. Отдадим им должное, они осознавали, на что шли. Окруженные со всех сторон, анархисты предпочли смерть в неравном бою перспективе чекистских застенков. Перестрелка с применением большого количества бросаемых динамитных бомб продолжалась два с половиной часа, а когда чекистам все-таки удалось прорваться в дом, анархисты привели в действие адскую машину." Сила взрыва была громадна, дача целиком была поднята на воздух" похоронив под своими обломками как оборонявшихся, так и часть наступавших. Фанатики свободы оказались до конца верны своему объекту преклонения⁹.

Третья группа анархистов, во главе с М. Никифоровой двинулась в Крым с проходом через Мелитополь и линию фронта. В июле 1919 года Маруся уже находилась на полуострове, в сентябре она погибла.

Ситуацию легендарности описываемых событий вполне иллюстрирует наличие до последнего времени четырех версий гибели или послереволюционного бытия М. Никифоровой. Анархист-ренегат М. Чуднов, к примеру сообщал, что Маруся была арестована в Киеве в июле 1919 г., переодетой в офицерскую одежду. Эта версия явно не соответствует исторической действительности. В. Антонов-Овсеенко, говорит что, оказавшись в Крыму вместе с мужем, Маруся намеревалась перебраться в Польшу и обратилась за помощью к крымским анархистам, но вскоре была схвачена и расстреляна. Заметно, что В. Антонов не знал истинных причин появления Маруси в Крыму и попытка эмиграции в Польшу, скорее всего предположение, вызванное внезапным появлением возле Маруси ее мужа поляка. Уже упоминаемый В. Белаш писал, что М. Никифорова была опознана и схвачена в Симферополе, после, будучи повешенной в августе-сентябре 1919 г. по приказу генерала Я. Слащева. Это информация, которой располагали махновцы, кстати, тоже оказалась ложной. Генерал Я. Слащев находился

в это время не в Крыму, а на Украине, руководя боевыми действиями непосредственно против махновцев, да и смерть свою Маруся приняла в другом городе. В конце концов, газета "Известия" сообщала о казни М. Никифоровой, состоявшейся 21 октября 1919 г. Дата этого события тоже оказалась неправильной. Помимо всего прочего, ходили слухи, что Марусе удалось уцелеть. Например, ее видели в 20-30-е годы в Западной Европе в качестве агента заграничного отдела ГПУ-НКВД.

Много раз за воскресшую М. Никифорову принимали других женщин-атаманш по имени Мария внезапно и в изобилии появившихся на Украине 1920-1921 гг.

На Киевщине действовала Маруся Соколовская - жена погибшего в бою повстанческого атамана Соколовского. На Полтавщине действовал конный отряд некой "Черной Маруси", личность которой пока еще не удалось точно установить. Там же принимала участие в повстанческом движении Мария Хрестовая, сестра известного атамана Л. Христового, девушка, по описаниям очевидцев, обладавшая необыкновенной красотой. Наконец в Харьковской губернии время от времени появлялся отряд Марии Косовой, представительницы антоновских повстанцев, главная оперативная база которых находилась в Воронежской губернии. Все перечисленные Маруси в тот или иной момент сотрудничали с Махно, и это сбивало с толку как свидетелей, так и многих исследователей. Одни из них принимали этих атаманш за М. Никифорову, так как твердо знали что "Маруся" есть только у Махно и эта Маруся есть Никифорова (хотя это могла быть, к примеру, и предводительница Чернолесского полка "атаманша Катря"), другие считали что "атаманша Маруся" это просто народное прозвище, перекочевавшее из фольклора в плоскость реальной жизни. Однако при ближайшем рассмотрении действительно оказывается, что все самые известные украинские повстанческие атаманши, как это не покажется странным, носили имя Мария.

Однако как конкретно высказываются недавно обнаруженные документы М. Никифорова окончила свою жизнь в сентябре 1919 г. Причиной возникновения целого вороха легенд послужила отсеченность информационного пространства "белого Крыма" от революционной территории. Поимка и суд над М. Никифоровой стали заметным событием в истории Белого Крыма, вызвавшим значительный общественный интерес и зафиксированным в официальных документах. В конце июля 1919 г. Маруся и В. Бжостек оказались в Севастополе. Думается сообщение В. Антонова-Овсеенка о помощи, скорее всего финансовой, крымских анархистов действительно имело место. 29 июля ее опознали, как М. Никифорову и схватили вместе с мужем. Это была крупная удача белых контрразведчиков. Оставшиеся без предводителя анархисты ничего не смогли сделать для освобождения Маруси и словно расписываясь в своей беспомощности вскоре перебрались на Кубань, где, вступив в отряды "зеленых" принимали участие в партизанских действиях против Деникина.

Следствие по делу Маруси продолжалось весь август, официально доказать удалось только некоторые из совершенных ею деяний, расцениваемых судом как преступления. 3 сентября (по ст. стилю) 1919 г. состоялось заседание военно-полевого суда под председательством коменданта Севастопольской крепости генерала Субботина, издавшего в результате слушания дела приказ, гласивший:

"Из дознания проведенного чинами севастопольского контрразведывательного пункта видно: 1) что именуемая себя Марией Григорьевной Бжостек, она же по про-

звишу Маруся Никифорова, обвиняется в том, что в период времени 1918-1919 г.г. командуя отрядом анархо-коммунистов производила расстрелы офицеров, мирных жителей, призывала к кровавой и беспощадной расправе с буржуями и контрреволюционерами, а именно:

- в 1918 г. между станциями Переездной и Лещинской по ее приказанию было расстреляно несколько офицеров, в частности офицер Григоренко, в ноябре 1918 г. в городе Ростове-на-Дону вступив в город с отрядами анархистов обращалась к толпе с призывом провести кровавую расправу с буржуями и контрреволюционерами.

- в декабре 1918 г. командуя вооруженным отрядом участвовала вместе с войсками Петлюры во взятии Одессы, причем принимала участие в сожжении Одесской тюрьмы, где был сожжен начальник тюрьмы Перелешин.

- в июне 1919 г. в городе Мелитополе по ее приказанию было расстреляно 26 человек (данное событие произошло по дороге марусиной группы террористов в Крым - Б. Ч.), в том числе некий Тимофей Рожков.

Таким образом обвиняется в преступлениях предусмотренных 108 и 109 статьями уголовного уложения по редакции Добровольческой армии.

II) Витольд Станислав Бжостек обвиняется в том, что, не принимая личного участия в совершаемых преступлениях указанных в 1-м пункте, но, зная о свершении оных, заведомо для себя укрывал М. Никифорову, не доводя до сведения властей”.

Второй пункт судебного постановления весьма примечателен. Не имея конкретных доказательств вины В. Бжостека его осудили к смерти фактически по обвинению в том, что он является мужем Маруси. Военно-полевой суд приговорил супругов Бжостек к смертной казни. Представители прессы, присутствовавшие на суде отмечали, что подсудимая ”держалась вызывающе и после прочтения приговора стала бранить судей. Расплакалась она только при прощании с мужем. Никифорова и ее муж были расстреляны”.

Распространение известия о казни М. Никифоровой вызвало радость в среде провинциальных обывателей. В частности газета ”Александровский телеграф” от 7 сентября (по ст. стилю) 1919 г. восклицала: ”Еще один столп анархо-бандитов сломлен, еще один кумир черни низвержен с пьедестала и наказан за свои злодеяния. Свершилось! Долго, однако, властвовал этот очеловеченный гад, долго наводил он панический ужас на обывателей и он был настойчив. Он требовал свои жертвы, и они приносились ему с немым страхом... Чуть ли не легенды складывались об этой ”царице анархизма”. Несколько раз она была ранена, несколько раз ей отсекали голову, а у ней подобно леринейской гидре отрастала новая. Она оживала и появлялась вновь, чтобы творить свои кровавые дела. С Божьей помощью постепенно рушится так старательно возводимое здание анархии... И если теперь, в уезде, отпрыски махновщины, следы поганой язвы все еще стараются помешать возрождению нормальной жизни и выбиваются из сил, чтобы снова устроить у себя кровавое царство Махно, то этим самым они справляют последний пир, последнюю тризну на могиле Махновщины”.

История сыграла над автором вышеприведенной статьи поистине злую шутку. Через две недели после выхода статьи, 3 октября 1919 г., Александровск был внезапно захвачен возглавляемой лично Н. Махно кавалерийской бригадой. Революционно-повстанческая армия Украины /махновцев/ вырвавшись из окружения возле Умани

наступала на Левобережье. 28 октября 1919 г. собравшийся в Александровске IV съезд Советов махновского района провозгласил образование "безвластной республики". Махновское движение только входило в пик своей силы.

Послесловие

Роль Маруси в истории украинской и русской революции необычна, как необычна и ее судьба. Вмешательство Никифоровой в ход исторических событий не было определяющим, хотя несколько раз и имело шанс стать таким. Но оставим сослагательное наклонение в покое. Маруся снискала себе славу не своим вмешательством в историю. Гораздо больший интерес представляет история ее самой, история самореализации самобытной и сильной личности в условиях революции и гражданской войны. Ее жизнь это попытка человека найти свое место в революции не желая плыть по ее течению. Это заранее проигрышный вариант, но судьба верных этому выбору людей продолжает будоражить умы, так как большинство людей одновременно чувствует собственную слабость поступать так же и притягательность этой позиции.

Жизнь и деятельность Маруси стали одним из олицетворений революции, в большинстве своем ее крайностей, жутких сторон и последствий: неоправданной жестокости, бестолковой разрушительной революционности, ставки на силу, темные инстинкты масс. Воля и организационные способности М. Никифоровой были направлены на решение откровенно террористических задач. Всякое понятие о гуманности Марусе заменил принцип революционной целесообразности. Ее пристрастие к собственноручным расстрелам офицеров и просто обвиненных в контрреволюции людей, трудно назвать иным словом как зверство. Применяемые Марусей методы борьбы никоим образом не поколебали ее уверенности в правильности отдаваемых приказов и совершаемых действий. Ее представления об анархизме считались единственно правильными и, следуя им Маруся стала ярким образчиком чисто деструктивной деятельности. Она считала себя врагом всех без исключения лагерей революционного конфликта. Она была для всех опасна, она была способна на многое.

Последние два года в жизни Маруси, похоже, перевешивают по значению все остальные. В своих последних прожитых годах Маруся обрела для себя смысл жизни. Он весьма показателен, и беспристрастно свидетельствует о том к чему способен придти талантливый человек отдавший себя во власть идеологии. Сочетание в личности Маруси Никифоровой склонности к фанатической приверженности доктрине анархизма, известных качеств харизматического лидера, стремления немедленно пожать плоды революционной деятельности, превратило Марусю в одного из наиболее опасных представителей революционного экстремизма. В своей деятельности Маруся оказалась предельно опасна не только для государства, но и для гражданского общества, во имя интересов которого она и принесла в жертву собственную жизнь.

Примечания:

1. Весьма трудно определить, с какого именно момента все близкие к Никифоровой люди стали называть ее Марусей. Характерно, что и в пору своей славы она допускала подобное обращение к себе даже со стороны малознакомых людей.

2. Анархисты начала XX ст. в своих политических воззрениях делили революции на политические и Социальную. Политические имеют своим результатом смену политической элиты государства. В отличие от них, Социальная революция должна изменить уклад жизни общества с государственного на безвластный. При этом считалось, что политическую революцию можно при желании развить в Социальную.

3. В Гуляй-Поле нашлись люди, прислушавшиеся к советам М. Никифоровой. Немного позже лидер местной ячейки УПСР Семенюта-Рябко будет застрелен анархистами без ведома Н. Махно. Конфликт, поставивший Гуляй-Поле на грань гражданской войны, удастся замять с большими трудностями.

4. В своих воспоминаниях Н. Махно скорее всего уклоняется от истины сообщая, что Комитет был организован еще до ореховских событий. В противовес ему махновец Н. Зуйченко ясно говорит о том, что Комитет был организован только после отъезда М. Никифоровой.

5. Обвинительная речь Маруси о том, как "казаки за царский рубль и стакан водки распинали ("семью" трудящихся - В. Ч.) живой на кресте".

6. В январе 1918 г. в Севастополе красногвардейцами было казнено более 800 чел. из числа его жителей, преимущественно офицеров. Многие казни сопровождались применением пыток.

7. И в дальнейшем, упоминания "о тряпках" будут использоваться большевиками для того, чтобы пресечь марусин пыл. Напоминания о присутствии женских слабостей в ультрареволюционных действиях анархистки крайне смущали ее. Например, 7 мая 1919 г. во время разговора Никифоровой с К. Ворошиловым последний, в присутствии махновцев подначивал ее рассказать "для кого она среди бела дня реквизировала целые лавки дамского белья в Харькове. Махновцы улыбались. Маруся отмахивалась и краснела: "Ко всякой ерунде придираются, не вникают в суть вещей." Конечно же Маруся захватывала белье не для себя, и не для своих бойцов (в современных публикациях можно встретить и подобные глупости - Б. Ч.). Белье подлежало все той же раздаче населению, как и всякий другой товар.

8. Таганрогский проспект - главная улица г. Ростов-на-Дону

9. Официальный отчет властей о красковских событиях опубликованный в газете "Известия" довольно туманен относительно финального эпизода схватки с анархистами. Настойчивые заверения чекистского руководства о том, что во время штурма дачи и ее взрыва с их стороны не погиб ни один человек кажутся еще более подозрительными. Согласно логике событий анархисты взорвали дачу с явным намерением подороже продать свои жизни когда чекисты уже проникли внутрь здания.

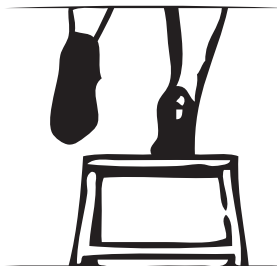
Использованные материалы

1. Центральный государственный архив высших органов власти Украины, г. Киев (ЦГАВОВ Украины). Ф.5.Оп.1.Д.17.
2. ЦГАВОВ Украины. Ф.5.Оп.1.Д.351.
3. Центральный государственный архив общественных объединений Украины, г. Киев (ЦГАОО Украины). Ф.5.Оп.1.Д.80.
4. Государственный архив Запорожской области (ГАЗО). Ф.337.Оп.1.Д.154.
5. Александровский телеграф. - 1919. - 7 сентября.
6. Известия. - 1919. - 25 января.
7. Літопис червоної калини. - 1939. - N 7.
8. Одесский листок. - 1918. - 22 марта.
9. Правда. - 1919. - 25 октября.
10. Алданов М. Взрыв в Леонтьевском переулке // Огонек. - 1991. - N 27. - С.14-17. N 28. - С. 28-31.
11. Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. В 4-х т.: Т. 3-4. - М.- Л., 1930-1933.
12. Антонов-Овсеенко. В боротьбе за Радянську Україну // Літопис революції. - 1931. - N 4. - С.112-152.
13. Аршинов П. История махновского движения (1918-1921 гг.) - Берлин: Издание "Группы русских анархистов в Германии", 1923 (Запорожье: Дикое поле, 1995). - 248 С.
14. Белаш А. В., Белаш В. Ф. Дороги Нестора Махно. - К.: РВЦ "Проза", 1993. - 592 С.
15. Бондаренко К. Никифорова Маруся // Довідник з історії України. В 3 т. Т. 2. - К.: Генеза, 1995. - С. 285.
16. Верстюк В. Ф. Махновщина. - К.: Наукова думка, 1991. - 368 С.
17. В. Н. Экспедиция Л. Б. Каменева для продвижения продгрузов к Москве в 1919 г. // Пролетарская революция. - 1925.- N 6. - С. 116-154.
18. Волковинський В. М. Нестор Махно: легенди та реальність. - К.: Перліт продакшн, 1994. - 253 С.
19. Годы борьбы: Историко-революционный сборник. - Зиновьевск: Б.и., 1927. - 221 С.
20. Гончаров А. А. Шел отряд по берегу: Воспоминания. - Одесса: Маяк, 1963. - 138 С.
21. Горелик А., Волин В. Гонения на Анархизм в Советской России. - Берлин: Издание группы русских анархистов в Германии, 1922. - 63 С.
22. Дубинский-Мухадзе И. Орджоникидзе. - М.: Молодая гвардия, 1963. - 384 С.
23. Ерде Д. Політична програма анархо-махновщини // Літопис революції. - 1930. - N 1. - С. 41-63, N 2 - С. 29-49.

24. Ермаков В. Д. "Маруся": портрет анархистки // Социальные исследования. - 1991. - N 3. - С. 91-95.
25. Жовтень на Запоріжжі: Збірка спогадів. - Дніпропетровськ: Промінь, 1969. - 143 С.
26. За власть Советов: Сб. документов и воспоминаний. - Запорожье: Обл. издат., 1957. - 280 С.
27. Зайцев Н. 1917-1918 год в Таганроге // Пролетарская революция, - 1926. - N 10. - С.72-83.
28. Історія міст та сіл Української РСР. Одеська область. - К.: Вид. АН УРСР, 1969. - 716 С.
29. Камю А. Бунтующий человек. - М.: Политиздат, 1990. - 416 С.
30. Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. - М.: Мысль, 1974. - 431 С.
31. Киселев М. В. Годы огневые: Воспоминания. - М.: Молодая гвардия, 1958. - 241 С.
32. Косинчук Г. Жінки в житті Нестора Махно // Я, ти, ми... - 1995. - N 5.
33. Косинчук Г. Махно, которого мы не знали // Киевские новости. - 1995. - 26 мая.
34. Красная книга ВЧК: Материалы и документы. В 2 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1989. - 416 С.
35. Лацис М. И. Два года борьбы на внутреннем фронте. - М.:Б.в., 1920. - 86 С.
36. Магалієвський Ю. Батько Махно // Календар-альманах "Дніпро" на звичайний 1930 рік. - Львів, 1929. - С. 30-40.
37. Махно Н. Воспоминания. В 2 т. - К.: Україна, 1991.
38. Маруся - предводительница анархистов // МИГ. - 1994. - 14 червня.
39. Матусевич И. Пост N 26: Воспоминания. - К.: Политиздат Украины, 1989. - 120 С.
40. Мельгунов С. П. Красный террор в России. - М.: СП "РУИКО", 1990. - 209 С.
41. Орджоникидзе З. Г. Путь большевика: Страницы из жизни Г. К. Орджоникидзе. - М.: Политиздат, 1967. - 304 С.
42. Пильняк Б. Ледоход: Очерк // Русский современник. - 1924. - N 4. - С. 46-54.
43. Полупанов А. В. Свобода или смерть!: Воспоминания. - Донецк: Донбасс, 1966. - 264 С.
44. Ракша С. И. Днепровцы: Воспоминания. - М.: Воениздат, 1959. - 127 С.
45. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис: Документы и материалы. - М.: Политиздат, 1959. - 314 С.
46. Ронис-Кантовский А. Х. Отрывки из воспоминаний // Каторга и ссылка. - 1932. - N 72. - С.20-25.
47. Рошаль М. Г. Записки из прошлого. - М.: Политиздат, 1969. - 119 С.
48. Савельев В., Ковтун В. Махно: остання правда: Документальна повість // Вечірній Київ. - 1996. - 23 листопада - 27 грудня.
49. Савченко В. О. Анархістський рух на Україні в 1905-1907 рр. // В кн.: Наукові праці з питань політичної історії. - К., Вища школа, 1991. - Вип. 169. - С. 138-147.
50. Селявкин А. И. В трех войнах на броневиках и танках. - Харьков: Прапор, 1981. - 183 С.

51. Сигида Н. "Наши агенты от милиционера до наркома..." Воспоминания // Родина. - 1990. - N 10. - С. 64-68.
52. Тепер И. Махно: От единого анархизма к стопам румынского короля. - Харьков: Молодой рабочий, 1924. - 121 С.
53. Трифонов Ю. В. Отблеск костра: Документальная повесть. - М.: Советский писатель, 1988, - 304 С.
54. Тржасковский В. Каменское в 1918 году // В кн.: Борьба за Советы на Екатеринославщине. - Днепропетровск, 1927. - С. 287-291.
55. Улянич В. Марусі в повстанському русі // Голос України. - 1994. - 26 березня.
56. Фридман И. Борьба с эсерами и анархистами // В кн.: Особое задание: Сб. воспоминаний. - М.: Московский рабочий. 1968. - С. 97-113.
57. Чуднов М. Н. Под черным знаменем (записки анархиста), - М.: Б.и., 1930. - 215 С.
58. Шейнис Э. Конец врангелевской авантюры // В сб.: Они остаются с нами. В 2 кн. Кн. 2, - М.: Политиздат, 1987. - С. 337-362.
59. Шубин А. К безвластию через самоорганизацию трудящихся - лозунг русских анархистов // Наука и жизнь, - 1991. - N 5, - С. 34-43.
60. Щербак І. П. Боротьба за становлення і утвердження радянської влади на Запоріжжі (1917-1920 р.р.). - Запоріжжя: Обл. видав., 1957. - 62 С.
61. Яновський Ю. Байгород // Чотири шаблі. К.: Дніпро, 1990. - С. 300-348.
62. Sysyn F. Nestor Makhno and the Ukrainian Revolution // The Ukraine. 1917-1921.: A Study in Revolution, - Cambridge, Massachusetts, 1977. - P. 271-304.
63. Felshtinski Y. Collapse of the world revolution. - London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1991, - P. 656.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Владимир Чоп
Маруся Никифорова

Скопировано 10.10.2023 с <http://www.makhno.ru/lit/book11.php>

ru.anarchistlibraries.net